

Видеосоциология: теоретические и методологические основания*

Светлана Баньковская

Кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Центра фундаментальной социологии
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: sbankovskaya@gmail.com

В современном мире развитие техники и технологии идет параллельно с новыми социальными явлениями, для описания которых зачастую не хватает теоретических ресурсов, даже если в наличии имеются эмпирическая, экспериментальная база наблюдений, изощренные и надежные методы получения данных. Особое внимание исследователей привлекают в последнее время, с одной стороны, феномены, получившие в политико-философской литературе название «множества» (multitude), т.е. больших образований, для которых не годятся привычные термины «группа», «масса» или даже «толпа». Рассредоточенность множеств, координация, происходящая помимо вербальных средств коммуникации (неинтендированная координация), феномены телесной согласованности на уровне антиципации выражений и действий партнера и многое другое частично впервые обнаруживаются, а частично подтверждаются средствами визуальной социологии. Визуальная социология представляет собой уже достаточно дифференцированное теоретическое направление и практику эмпирических исследований, использующих в качестве данных визуальные материалы (фото и видео главным образом). Необходимость заново переосмыслить исследовательскую идеологию визуальных исследований и выработать нарративные средства, позволяющие сделать эти исследования продуктивными, оказывается все более настоятельной. Комплементарность нарратологии и визуальной социологии представляет не только многообещающие исследовательские перспективы, но и особую проблему на методологическом и методическом уровнях; именно эта проблема (равно как и различные подходы к ее постановке) и рассматривается в данной статье. Среди теоретических интерпретаций данной проблемы специально рассматривается «теория не-репрезентации», а методологические вопросы анализируются в контексте комплементарности.

Ключевые слова: визуальная социология, видеометоды, теория не-репрезентации, нарратив, наблюдение, методологическая адекватность

© Баньковская С. П., 2016

© Центр фундаментальной социологии, 2016

* Статья написана на основе результатов проекта «Нарративный подход к микроанализу данных визуальной антропологии и этнометодологии: разработка технического аппарата исследований социальных событий», выполненного под руководством А. Ф. Филиппова в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2015 год. Автор выражает глубокую благодарность коллегам по проекту — Д. С. Коньшевой и особенно А. Ф. Филиппову, поделившемуся ценными советами и критическими замечаниями в ходе подготовки статьи.

Визуальный анализ в социальных науках

Визуальный поворот в социальных науках, культурологии и смежных дисциплинах произошел, по меркам быстро развивающейся науки, уже давно, однако само обстоятельство, что поворот вообще *должен был произойти*, является весьма примечательным¹. В широко известном у нас учебнике по визуальной социологии П. Штомпка отмечает: «Первый социологический словарь, в котором появилось понятие „визуальная социология“, — это оксфордский Словарь социологии и общественных наук 1994 г. . .» (Штомпка, 2007: 3), хотя о «визуальной антропологии» речь уже шла много ранее². До поворота использование специфических методов видеорегистрации социальной жизни было в социологии незначительным. Почти 30 лет назад, проясняя положение дел, Д. Харпер писал: «Хотя фотография и социология возникли практически одновременно, визуальная социология — использование фотографий, фильмов и видеозаписей для изучения общества, а также визуальных артефактов общества — развита недостаточно и находится на периферии социологии как целостной дисциплины» (Harper, 1988: 54). Действительно, по идее, амбиции социологии, претендовавшей на то, что вместе с ней появляется подлинно научный способ описания социальной жизни, могли бы быть *сразу* подкреплены новыми средствами, позволяющими документировать наблюдения за социальной жизнью, прежде всего — фотографией. Возможно, технические трудности, с одной стороны, и привычка опираться на письменные документы — с другой, подкрепленные устойчивым позитивистским пристрастием к цифре и количественным показателям, помешали обогащению социологических данных фотографическими свидетельствами, хотя, скорее всего, социологи исходили из типичного для науки своего времени убеждения в *невидимости существенного* и *обманчивости видимого*. В свою очередь, и фотография не сразу стала средством документальной фиксации социальной жизни, будучи первоначально заменой или дополнением (портретной) живописи. Однако она достаточно быстро развивалась, оставаясь при этом в почти полном пренебрежении со стороны революционизирующихся социальных наук³. Ситуация изменилась как раз тогда, когда *раннюю классическую*

1. Ниже мы ведем речь исключительно о социологии и социальной антропологии. Широкая область культурологии, так называемые «visual studies» вынесены за скобки настоящего исследования, поскольку, несмотря на широкое распространение, их объяснительные принципы до конца не ясны и не обрели еще канонической формы. Однако, как нам представляется, некоторые результаты данного исследования могут быть впоследствии полезны для визуальных исследований и налаживания междисциплинарного диалога. Из работ отечественных авторов выделим особо: Ярская-Смирнова, Романов, 2009. (Последующие два тома менее актуальны для нашей темы.)

2. Классической работой здесь считается книга: Collier, Collier 1986 (первое издание — 1967). Она выгодно отличается от многих последующих публикаций глубокой теоретической проработкой вопроса о природе наблюдения, восприятия, памяти и т.д. Она до сих пор остается важным подспорьем для всех, кто занимается визуальными методами, а для нас является источником ключевых сведений о специфическом роде нарратива, связанного с визуальностью.

3. Харпер приводит замечательные примеры фотографий, сделанных в XIX в. во время Крымской войны и Парижской коммуны, запечатлевших сельскую жизнь Англии в конце века и т.д. Ничто из этого в то время не заинтересовало классиков социологии. В книге Хита, Хиндмарша и Лафа, к кото-

социологию⁴ сменила классическая социология в современном смысле слова⁵, то есть в период *институционализации* социологического знания и формирования «классического канона»⁶. С определенной долей уверенности можно считать, что это произошло за полвека: в 1887 г. вышла книга Фердинанда Тённиса «Общность и общество» (Тённис, 2002), в 1937 г. — книга Толкотта Парсонса «Структура социального действия» (Parsons, 1937), а в промежутке между этими событиями, не сыгравшими, конечно, для современников той символической роли, какую они играют сейчас для нас, появились социологические факультеты, кафедры, ассоциации, социологическая пресса и первые учебники социологии во всех странах, которые и по сей день задают тон в этой науке. И как раз примерно на первую половину этого срока приходится если не взлет, то по меньшей мере формирование определенно-го интереса к фотографической документации социальной жизни. Несмотря на сравнительно скромное значение визуальных данных, «все-таки с 1896 по 1916 г. в „Американском журнале по социологии“ (American Journal of Sociology) более чем в тридцати статьях фотографии были использованы как источник данных и для иллюстрации... однако после 1920 г. фотографии основательно и надолго исчезли из социологических публикаций» (Harper, 1988: 57)⁷. Возобновление интереса к ним приходится на начало 1960-х гг., что отчасти — но лишь отчасти — совпадает с тем, как менялось в социологии отношение к пространству⁸. На первом этапе пространство вообще не играет роли в социологических построениях, потом наступает краткий период интереса к пространственной организации общества и пространству как проблеме, а затем надолго тема пространства исчезает из фокуса социологического интереса, чтобы снова вернуться в 1960-е годы. Соблазнительные параллели мы проводить здесь не станем, хотя они и напрашиваются. Ведь фотография свидетельствует прежде всего о мире материальных вещей и человеческих тел, размещенных в пространстве. Разве не было бы естественным ставить ее на первый план, занимаясь пространственной тематикой в социологии? Однако это не так. Первые значительные работы по социологии пространства обходятся без фотографий, а возвращение интереса к пространству никак не зависит от ис-

---

рой мы еще обратимся, много примеров использования не только фотографий, но киносъемки, давших интересные результаты в самом конце XIX в. Но и они констатируют равнодушие социологов-современников к этим результатам. См.: Heath, Hindmarsh, Luff, 2010.

4. К ней можно отнести отцов-основателей дисциплины. На них ориентировались те, кто позже внес решающий вклад в институционализацию науки. См.: Turner, Turner, 1990; Turner, 1993.

5. См. подробнее об этом: Филиппов, 2001: 43–55. Размышляя о теоретических предпосылках визуальной социологии, Штомпка различает «первую социологию», выросшую из исследований больших общественных систем, и «вторую социологию», ориентированную на изучение человеческих действий и взаимодействий. Это различие — не только теоретическое, но и хронологическое, говорит он, и указывает на то, что «вторая социология» сегодня доминирует. Штомпка связывает визуальную социологию именно со «второй социологией» в своем понимании. См.: Штомпка, 2007: 104, Sztompka, 2005: 98.

6. О различных подходах к определению классики см.: Савельева, Полетаев, 2009.

7. Харпер берет данные из работы Кл. Сташ: Stasz, 1979: 119–137.

8. См. об этом подробнее: Филиппов, 2007.

пользования фотографий и других визуальных методов⁹. Связи здесь есть, но они более глубокие и менее очевидные, о них речь пойдет ниже¹⁰.

Вернемся к визуальной социологии. Итак, к 1980-х гг. визуальные исследования уже развились настолько, что по сравнению не то что с отдаленной историей, но и с тем, как обстояли дела в начале 1960-х гг., стало можно говорить о *повороте*. Однако сама суть поворота понималась поначалу несколько упрощенно. Речь шла по преимуществу о том, что не только иллюстрировать рассуждения, но и получать важные данные можно при помощи наблюдения, оснащенного техническими средствами фиксации, прежде всего фотоаппаратом. Выбор фотоаппарата, а не киносъемки, в тех случаях, когда он совершался, имел, конечно, принципиальный характер¹¹, и на этом мы тоже остановимся чуть ниже, а пока что лишь зафиксируем тот специфический образ *поддающегося исследованию* среза, или аспекта социальной жизни, который появляется в социологии после визуального поворота. Если сформулировать это совсем просто, визуальная социология, если только она означает нечто иное и большее, чем просто набор технических методов, не может не исходить из того, что самое важное или хотя бы нечто необыкновенно важное в социальной жизни можно и нужно прежде всего *увидеть*. Это означает, что молчаливое предположение о невидимости существенного отброшено, а на его место поставлена *существенность видимого*. Феноменальная природа социальности (социальное как явленное, зримое) опознается *феноменологической социологией*, и хотя не всякая визуальная социология исходит из положений философской и социологической феноменологии, связь между визуальным поворотом и стремительной карьерой феноменологической социологии в 1960–1970-е гг. представляет, возможно, куда больший интерес, чем связь визуальной социологии с социологией пространства. Действительно, мир повседневности, с интересом к которому

---

9. См. об этом замечание тонкого и вдумчивого исследователя Ларри Рея, одновременно очень точное по сути и совершенно беспомощное в смысле дальнейшего развертывания темы: «Зиммель-то как раз подчеркивал, что геометрия, в отличие от социологии, изолирует абсолютно чистые формы, тогда как в социологии абстракция — это просто аналитическое приспособление. Но аналогия интересная, потому что здесь акцентируются визуальные и пространственные социальные отношения» (Larry J. Ray, 1999: 163). На самом деле он должен был бы поставить вопрос о том, почему социально-пространственное, по Зиммелю, чаще всего как раз нельзя «просто увидеть», а каждый случай, когда это возможно, вроде рамы картины или ручки кувшина, или руин, обсуждается отдельно.

10. К сожалению, даже авторитетные источники, вроде сравнительно свежей книги Харпера, демонстрируют полную беспомощность в вопросах социологии пространства именно тогда, когда речь прямо заходит о нем. Глава 4 упомянутой книги с многообещающим названием «Визуальная социология пространства сверху, изнутри и вокруг» посвящена вполне конкретным практикам наблюдения, без какой бы то ни было попытки концептуализировать наблюдаемое пространство и место наблюдателя. Это, впрочем, не лишает ее определенной познавательной ценности. См.: Harper, 2012: 56–87.

11. Уже цитированный выше Штомпка не только сконцентрировал свое внимание на фотоаппарате в своем учебнике, вышедшем на языке оригинала уже довольно давно, но и продолжает настаивать на исключительной важности фотосъемок в современных (2013 г.) лекциях по визуальной социологии, которые распространяются как учебный курс в Интернете. Любопытно, что Г. Бейтсон и М. Мид, чуть ли не первыми использовавшие видеосъемку в антропологии, называют свою книгу опять-таки «фотографическим анализом». Правда, это может быть, помимо прочего, связано с устойчивым именемлюбых съемок, в том числе и киносъемок, «photography». См.: Bateson, Mead, 1942.

нередко (и слишком поспешно) отождествляют феноменологическую социологию, этнометодологию и ряд других подходов¹², — это мир того, что видимым образом происходит. Структуры не наблюдаемы. Социальные системы как таковые являются абстракциями, существование которых оспаривается и, во всяком случае, нуждается в дополнительных доказательствах и свидетельствах. В то же время действия, взаимодействия, повседневное общение видны как таковые, и вопрос состоит не в том, можем ли мы их регистрировать визуально, но в том, что нам дает такой способ фиксации, как его лучше выстроить, сделать более эвристичным. Сюда еще добавляется, конечно, то обстоятельство, что сам современный мир стал, как часто говорят, визуальным. Он наполнен образами, зрительными символами, знаками. Артефакты материального мира несут на себе смыслы социальной жизни, результаты совокупных действий зачастую принимают характер контрфинальности, они хорошо различимы, видимы, поддаются описанию и интерпретации (Баньковская, 2011). Поскольку же интерпретация того, что запечатлено на снимке, как, впрочем, и сцены, заснятые на киноленту (которой также первыми начали пользоваться антропологи), не говорят сами за себя, несмотря на всю *очевидность*, отношение к визуальным исследованиям как к важному, но вспомогательному методу, так или иначе, сохранялось. Вспомогательный метод позволял увидеть то, что иначе нельзя было увидеть, но требовались также другие методы, чтобы проверить правильность интерпретаций. Визуальный метод приходил на помощь, когда другие методы были недостаточны, но требовалось значительное теоретическое усилие, чтобы рассмотреть наблюдаемость и результаты наблюдения как специфические особенности не только социологического метода, но и самой социальной жизни.

Между тем усилия такого рода с течением времени становятся все более и более насущными. Дело, повторим еще раз, состоит в том, что съемки не представляют нам материал социальной жизни так, словно бы мы имели дело с иллюстрированной теорией. Роли, институты, структуры, группы, системы, организации и многое другое лишь в самых редких случаях говорят за себя сами. То, что мы словно бы непосредственно видим на фотографиях или в фильмах, на самом деле проходит несколько процедур интерпретации, без которых просто нельзя обойтись. Прежде всего это, конечно, социально, культурно и технически обусловленная позиция наблюдателя. Выбор места съемки, ее детализированность, продолжительность, стабильность ракурса и многое другое несут на себе не только печать индивидуального исследовательского интереса. Здесь играет роль и то, к какому научному сообществу принадлежит наблюдатель, что считается значимым для наблюдения и последующей коммуникации по поводу наблюдения, на какой срок рассчитана полевая часть проекта и как обосновывается продолжительность проекта в коммуникации с его исследовательским сообществом. Далее, объем видеоматериала, если не считать случайных обстоятельств съемки, также зависит не только от того,

---

12. О значении визуальных методов для феноменологической социологии и этнометодологии см.: Штомпка, 2007: 107–120; Sztompka, 2005: 101–111.

что хотел бы узнать наблюдатель. В руководствах по визуальной социологии часто акцентируется то обстоятельство, что обычно человек устает и внимание его притупляется. Сохраненные материалы наблюдений позволяют вновь и вновь возвращаться к тому, что могло уйти от внимания уставшего наблюдателя. Мало того, в отличие от наблюдателя, не вооруженного средствами фиксации, тот, кто имеет дело с фотографией и видеонаблюдениями, может уже не полагаться на свою память и умения. Зоркость глаза, навыки рисовальщика, владение стенографией для записи разговоров — все это оказывается ненужным. Зафиксированный им материал остается навсегда одним и тем же и может быть передан другим коллегам для изучения точно тех же данных. Отсюда легко сделать вывод о максимальной объективности таких методов¹³. Но, конечно, это не так, и напоминание о социальной сконструированности в этом смысле никогда не бывает лишним. Рефлексивность исследователя, учитывающего относительность собственной позиции и ее зависимость не только от норм получения знания в сообществе наблюдателей, но и от культурной и социальной обусловленности того, что он видит и слышит, является условием *sine qua non* этически ответственного социологического проекта. Но дело не только в этом.

Социальная конструкция наблюдения не имеет абсолютного характера. Научные, культурные, временные аспекты исследовательского интереса вступают в дело тогда, когда наблюдатель приводит в действие «оптические приборы» и механизмы регистрации. Однако с этого момента он бессилен. Результаты конструирования предстают как объективация исследовательского действия, и фотографии или ролики (то и другое теперь чаще всего имеют форму файла) не могут быть изменены без насилия над материалом. Подлинный видеодокумент (в меньшей мере — аудио- и фотодокумент) обладает качествами, которыми не обладает больше ни один документ, ни одно свидетельство. С другой стороны, как мы уже отметили выше, его невозможно использовать без специфической интерпретации. Отчасти интерпретативная процедура уже заложена в устройство наблюдения. Исследователь может утверждать, что его задача состоит в том, чтобы просто «пойти и посмотреть, как происходит на самом деле» то, что ему интересно. Но уже сама постановка вопроса — «на самом деле» — привязана к социологическому взгляду на мир, социологическим концептуализациям и схемам. Это могут быть самые простые схемы, вроде того, что люди совершают осмысленные действия, взаимодействуют в соответствии с некоторыми правилами и т.п. И это могут быть сложные схемы, в которых следование правилам и порождение правил по ходу действия, дифференциация степеней вовлеченности в разные круги, комбинация рационального выбора и эмоциональной привязанности дают о себе знать в наблюдаемых событиях. Вот это доверие к увиденному (я вижу осмысленные действия и должен лишь интерпретировать их смысл; я вижу совместную работу по

---

13. Нетрудно заметить, что зачастую энтузиазм проponentов видеометодов в социологических исследованиях сродни уверенности приверженцев количественных методов в объективности и очевидной эмпирической референтности полученных результатов.

переопределению ситуации участниками взаимодействия; я вижу символический характер праздничной одежды; я вижу социальный характер расположения вещей в пространстве городской квартиры или на городской площади) может оказаться одним из самых коварных и проблематичных аспектов социологического использования визуальных методов. В действительности социолог видит, конечно, лишь то, что в некотором роде сам перед этим вложил в устройство наблюдения. И это совсем не плохо, потому что выйти за круг обусловленности знания можно лишь через переход в некий иной круг, где знание будет также обусловлено, но уже по-другому. Проблема совсем не в том, чтобы опознать сконструированность и обусловленность своих наблюдений. Проблема в том, чтобы произвести консистентный социологический нарратив, в котором описание данных наблюдения и социологические интерпретативные схемы не противоречили бы друг другу.

Этот нарратив, как ни противоречиво это покажется на первый взгляд, в первую очередь использует и подчеркивает не-репрезентационный характер видеометодологии.

Не-репрезентационная специфика видеометодологии

Функциональные особенности видеометодов и их данных, если говорить о них в контексте социального/социологического исследования, следуют из парадоксального на первый взгляд положения — видео *не* является репрезентацией события. Видеометоды — дают возможность представить событие в действии, в движении, «в натуральную величину», как феномен, *а не как описание/репрезентацию* феномена. Теория не-репрезентации (о которой подробнее речь пойдет ниже) выступает как идеология применения видеометода(ов) в социальных науках и науках вообще. «Не-репрезентация» означает отказ от методологической установки на «схватывание» события «как оно есть», на позиционирование видеорегистратора как некоего «идеального наблюдателя», превосходящего человеческие возможности наблюдателя—исследователя—социолога. Видеокамера в этом режиме «схватывания» должна была бы стать «метанаблюдателем», а видеоматериалы — чем-то вроде результатов «идеального наблюдения». Кризис репрезентационизма в середине-конце 1980-х, затронувший и практику использования видео в социальных науках, привел к пересмотру — принципиальному — методологических оснований этого метода в социологии, его назначения и возможностей (равно как и ограничений) в исследовании социальных событий. Существо этой ревизии коротко, но ясно выразил Филип Ванини: «Видеометоды в меньшей мере пригодны для «схватывания» реальности, нежели для того, чтобы вызывать отчетливые, разнообразные, конкурирующие, подчас противоречивые, звуковые и визуальные впечатления» (Vannini, 2015: 230). Однако не следует отождествлять или находить какое-либо сродство мотивов такой ревизии с опасениями и критицизмом «академических» исследователей относительно формы представления и способов использования видео в научных целях — этот критицизм происходит

главным образом из опасений и подозрительности — ведь видеоматериал, образ, может не только «адекватно и правдиво» представлять, служить свидетельством, но и увлекать своей зрелищной стороной, соблазнять, обманывать и скрывать. Отсюда, как правило, и весьма жесткие инструкции по использованию видеокамеры и видеоматериала в научных целях, которые можно было обнаружить в разного рода учебниках по «Визуальной ...логии», в инструкциях и предписаниях по производству видеоматериалов для целей научного социального исследования, как например:

Наиболее «научной» техникой [видеосъемки], наименее искажающей и наиболее «правдивой» в отображении «естественного» поведения по сравнению с другими является установка статической камеры на трипод, когда она не дает крен, не панорамирует, не приближается и не двигается каким-либо еще способом. Более того, камера должна работать как можно дольше и должна быть использована как можно более ненавязчиво, так, чтобы ее работа не воздействовала на потоки культурно значимого поведения. (Ruby, 2000: 177)

В отличие от этого «консервативного» подхода не-репрезентационистская установка предполагает, что камера должна быть использована не столько как устройство (средство) для записи-фиксации события, сколько как устройство для создания ощущения погруженности в событие, которого человеческое тело и ментальные состояния человека не могут достичь без технического посредника. Видео именно создает это чувство сопереживания и погруженности, а не просто репрезентирует картинку. Мы получаем (посредством не только съемки, но и последующего монтажа) недоступное невооруженному человеческому глазу паноптическое изображение в действии, которое не просто «описывает»/представляет происходящее, но направляет наше внимание, группирует его определенным образом. Поэтому новое отношение к видеометодологии можно назвать (заимствуя этот термин у Лоримера) «более-чем-репрезентативным». Операторам знакома ситуация, когда, просматривая отснятый материал, они обнаруживают, что на экране, в видеоряде, события, отдельные действия, объекты, выглядят иначе (порой **раз-**ительно отличаются), чем это представлялось наяву, в момент съемки. Они как бы «остра**н**яются», даже если представляют что-то очень знакомое, личное, интимное. Использование видео позволяет «увидеть и услышать мир иным, нежели мы привыкли видеть и слышать его в своей повседневной жизни» (Simpson, 2015: 28), и в этом видео в большей мере, чем какой-либо другой метод, отвечает основным эпистемологическим задачам научного социального исследования. Среди таких задач З. Бауман выделяет «остра**н**ение» исследуемого объекта как один из тех эпистемологических приемов, которые отличают научное познание и суждение от обыденного здравомыслящего (Бауман, 1996: 9). Если бы все, что требуется от камеры — это просто увидеть, максимально, в идеале — все, что увидел бы и человеческий глаз, то ценность полученного материала (при таком к нему подходе) резко снижается, многое, что он в себе заключает, остается не востребуемым. Точно

так же и акцент на «фиксации» и «присутствии» камеры как «свидетеля» (постоянного) события сводит значение видеоматериалов до «свидетельских показаний» в отсутствие представляемых ими реальных объектов — тут мы опять сталкиваемся с «метафизикой присутствия», но уже в видеообличье. Роль видеокамеры, однако, гораздо сложнее — она способна усиливать наши впечатления (визуальные и аудиальные), даже если мы присутствовали в момент съемки; камера может выступать в роли фабрикатора, рассказчика, фокусника; во всяком случае, ее роль неоднозначна — она одновременно и соединяет(ся с) и отстраняет(ся от) свой объект. Использование видеокамеры в исследовательских целях, если оно компетентное и умелое, это уже не просто манипулирование инструментом, но, скорее, взаимодействие/экспериментирование/импровизация (как на музыкальном инструменте). Исследователь и инструмент-посредник сливаются в «социотехнологический ассамбляж», как это называет Ванини (Vannini, 2015: 234), который может также видоизменяться, усложняться, дифференцироваться в ходе методологического эксперимента: «Непрерывное экспериментирование с диететическим и недиегетическим звуком, ракурсом, линейным и нелинейным нарративом, наложениями и продолжительностью сцен, несут в себе способность глубоко „перепахать“ наши представления о социальной реальности». В целом же экспериментирование с видео в научной методологии имеет своим непосредственным результатом преодоление рамок чистой репрезентации и постулирование гибридности как главного методологического принципа (см., например: Denzin, Lincoln, 2005; Garfinkel, 2002).

Разновидности видеометодов

Разновидности видеометодов, представляющих тот или иной тип движения, вероятно размножились в последнее время и находят все большее применение и в социальных науках (как правило, в классификации «качественных методов»). К ним можно отнести видеодневники, попутные записи (go-alongs)¹⁴, цейтраферную съемку (таймлапс)¹⁵, видеоэтнографию и видеодокументы, мультиракурсную съемку¹⁶, видеозаписи с использованием микрофонов и одновременной записью

14. Гибридный метод сбора данных, сочетающий включенное наблюдение, сопряженное с перемещением в пространстве — физическом, социальном, метафорическом. Используется главным образом в исследованиях различного рода мобильностей, сфокусирован на движущемся объекте исследования и на взаимодействии с ним; предполагает различного рода гаджеты в качестве посредников такого взаимодействия — в том числе и видеокамеру; см.: Kusenbach, 2012: 252–264.

15. Покадровая съемка, съемка с интервалом, применялась в основном для съемки и изучения медленно протекающих процессов, для ускорения изображения изменения, в научных целях; это ролик, смонтированный из множества фотографий, сделанных с определенным интервалом и, как правило, с одной и той же точки. Интервал при этом может быть разным, от секунды до нескольких часов — это зависит только от цели изображения движения (его замедления или ускорения).

16. Multi-angle video recordings — «паноптическое» изображение одного места, в котором происходит движение (вокзал, например), полученное путем комбинирования нескольких видеодорожек, записанных под разными ракурсами; позволяет зрителю выбрать ракурс рассмотрения изображения

звука, мини-камеры (скрытые камеры), цифровые зеркальные камеры, лацканные или шумопоглощающие микрофоны, диктофоны, наушники и т.п. Собственно, поэтому было бы неверно ограничивать характеристики данных, получаемых видеометодами, лишь детализацией визуального представления — помимо видеоряда, это — и звук, и движение, и, в конце концов, сюжет развития наблюдаемого/прослушиваемого/преследуемого объекта. А это уже позволяет использовать эти данные для формирования (элементарного) нарратива. Видеометоды **более** всего **приближаются к сенсорным методам** (Bates, 2015), **поскольку** не просто сочетают изображение и звук, но вызывают *чувство* переживания «здесь и сейчас», создают *впечатление* об увиденных людях, пространствах, вещах, отношениях, практиках, которые мы исследуем, словом, призваны возбуждать «чувственное воображение» (если перефразировать Ч. Р. Миллза [Миллс, 1998]), и в этом заключается их ценность для «перезагрузки» воображения социологического. Поэтому опрометчиво было бы отождествлять видеометоды лишь с *визуальными* практиками и данными, с *наглядностью* и даже *очевидностью* получаемых с их помощью данных. С точки зрения методологии в социальных науках «видео» обладает преимуществами перед остальными закрепленными в исследовательской практике социальных наук методами благодаря тому, что дает возможность одновременно присмотреться/прислушаться/почувствовать происходящее «здесь и сейчас» не только как «картинку», но и как ритм, текстуру, атмосферу¹⁷; «видеометоды, тем самым, раскрывают видимый и *невидимый* сенсориум социальной жизни» (Bates, 2015: 2). Поэтому понятный энтузиазм социологов-теоретиков, привыкших к устоявшейся за долгие годы теоретизирования в до-мультимедийном мире аксиоме «социальное остенсивно не определяется» и, казалось бы, получивших благодаря видеометодам возможность опровергнуть этот тезис, все чаще наталкивается на коррективы методологов, практикующих видео- и мультимедиа-методы. Они настаивают на том, что видеометоды и видеоисследования не просто делают «видимым»/«очевидным» (и следовательно, не нуждающимся в «объектификации») то, что до сих пор было лишь когнитивным конструктом, но «раздвигают уютные до сих пор рамки самого понятия «социального», делая его, тем самым, непривычно наглядным, с пугающим множеством деталей, принципиально нуждающимся в исследовании» (Logimer, 2005: 84). Поэтому методологической идеологией (или одной из составляющих такой идеологии) для исследователей, практикующих видеометоды, становится так называемая «теория не-репрезентации».

или фильма. Термин «многоугольной» описывает способ производства съемок записи различных углов одной и той же сцены с разных камер.

17. Майкл Галахер, например, в своем исследовании школьного пространства с помощью комбинированных видео- и аудиозаписей обнаружил определенные особенности этой комбинации данных — звук и картинка несут разную ассоциативную и смысловую нагрузку в формировании представлений/переживаний пространства. Визуальные данные (картинка) в большей мере позволяют анализировать (рассматривать) физический и материальный его аспекты, а звуковой ряд (ритм, интенсивность, сочетание шумов) в большей мере позволяет синтезировать социальное пространство, почувствовать «вибрирующую атмосферу» школы. См.: Gallagher, 2015.

Теория не-репрезентации как методологическая идеология видеоисследований в социальных науках

Теория не-репрезентации развивается с середины 1990-х гг. в целом ряде работ, написанных Трифтом (Thrift, 1996, 1997, 1999, 2000, 2003a, 2003b, 2004, 2007) и его учениками (Dewsbury et al., 2002; Dewsbury, 2000, 2003; Harrison, 2000, 2007, 2008; McCormack, 2002, 2003, 2005; Wylie, 2002, 2005, 2006), а также в работах других авторов (Anderson, 2006; Anderson, Harrison, 2006; Laurier, Philo, 2006; Lorimer, 2005). В одном из своих последних определений Трифт (Thrift, 2007: 2) говорит о теории не-репрезентации очень просто — это интерес «географии к тому, что происходит», и «поэтому по большей части это работа описания „скелета“ реальных случаев». Г. Лоример (Lorimer, 2005: 84) называет эту теорию по-своему — «более-чем-репрезентативная» — и считает ее собирательным термином для обозначения различного рода социальных исследований (прежде всего в культурной географии), которые стремятся зафиксировать и описать «само-очевидные, более-чем-человеческие, более-чем-текстуальные, мультисенсорные феномены» (Ibid.: 83), отказываясь от «омертвляющей» категоризации, идентификации и поисков текстового значения/смысла.

Обобщая характеристики теории не-репрезентации, которыми ее наделяют ее сторонники, можно свести к пяти главным (Simpson, 2010).

Во-первых, теория не-репрезентации стремится следовать за повседневной жизнью (Thrift, 2007). Беря свое начало от виталистской философии и философии становления, этот подход исповедует «процессуальное регистрирование опыта» и считает реальность «гораздо более богатой, чем это может представить теория» (Dewsbury et al., 2002: 437). Исходя из этого и последующего признания того, что сознание на самом деле лишь узкое окно восприятия, а также из представления о до-когнитивном как о «чем-то большем, чем добавление к когнитивному» (Thrift, 2007: 6). Эта теория утверждает, выражаясь словами Фуко, что «напрасно мы говорим, что мы что-то видим — то, что мы видим, никогда не задерживается в том, что мы говорим» (Foucault, 2002:10). Теория не-репрезентации, таким образом, выступает против «любопытствующего вампиризма, когда из события выпивают всю кровь ради “порядков, механизмов, структур и процессов”, сконструированных аналитиками» (Dewsbury et al., 2002: 438). Вместо этого теория не-репрезентации больше внимания уделяет до-когнитивным аспектам телесной (воплощенной) жизни, «этой массе нервных разрядов, подготавливающих тело к действию таким образом, что намерения или решения оказываются принятыми еще до того, как сознательное Я осознает их» (Thrift, 2007: 7).

Во-вторых, теория не-репрезентации стремится выйти за ограничения субъективности, она до-индивидуальна и «толкует о режимах восприятия, которые не отсылают к субъекту» (Ibid.: 7). Вместо этого теория не-репрезентации связана с практикой «субъективации», а не с субъектами как таковыми. Эта субъективация происходит в мире, сотворенном «из всевозможных вещей, вошедших в сопри-

косновение друг с другом во многих и различных пространствах, через непрерывную и в значительной степени вынужденную цепь столкновений» (Thrift, 2007: 8). Если учесть, что теория не-репрезентации решительно настроена против «классического человеческого субъекта — прозрачного, рационального и целостного», — это имеет существенные этические последствия (Thrift, 2003a); традиционные этические вопросы относительно авторства действия и вменения ответственности становятся сложнее. Это усложнение предполагает и «критическую позицию в отношении норм, регулирующих наши действия, но которые мы не можем свободно выбирать и взять на себя ответственность... за дилеммы, которые впоследствии могут возникнуть» (Thrift, 2007: 14). Этическим действие становится, когда расширяет возможности действовать, или служит для «создания новых форм жизни» (Ibid.: 14).

В-третьих, теория не-репрезентации сфокусирована на теле человека и его коэволюции с вещами (Ibid.). Здесь тело не рассматривается отдельно от мира, на первый план выступает его «поразительная способность развиваться вместе с вещами, принимая их внутрь и добавляя их к разным частям тела», производить нечто гибридное (Ibid.: 10). Учитывая, что «тела» и «вещи» нелегко разделить и как понятия (Ibid.: 13), теория не-репрезентации нацелена на изучение материального сродства тела и мира и постоянно возникающих возможностей для их взаимодействия. Рассматривая эту коэволюцию тела с не-человеческими вещами, теория не-репрезентации делает их равноценными, вместо того чтобы опускать «не-человеческое» до «простой декорации» (Ibid.: 9). Это означает, что теория не-репрезентации претендует на изучение «технологий бытия»: «гибридных комплексов знаний, инструментов, лиц, оценочных суждений, зданий и пространств, заложенных на программном уровне в виде определенных предпосылок о природе человека и его целях»¹⁸. В результате мы получаем взгляд на мир как на множество разнородных сетей и связей, подрывая, тем самым, картезианское понятие деятельности как принадлежащей исключительно человеку и ставя эту деятельность под вопрос (Thrift, 1996, 2000). На теорию не-репрезентации сильное влияние оказали работы ANT-теоретиков, в частности Б. Латура (Latour, 2005), но кроме того, и недавнее появление умозрительной философии реализма, которая обращает внимание на существование и взаимодействие объектов (или «вещей») и за пределами присутствия человеческого субъекта (Harman, 2005; Meillassoux, 2008). Этот акцент на материальной обусловленности человеческого тела тесно связан с установкой теории не-репрезентации на «приобщение к полному спектру оттенков мысли, включая аффект и ощущение» (Thrift, 2007: 12). Работы на эту тему широко распространились в последнее время как в географии, так и в социальных науках (Anderson, 2006; Anderson, Harrison, 2006; Bissell, 2008; Clough, 2007; Dewsbury, 2000; Gumbrecht, 2004; Massumi, 2002; McCormack, 2003; Stewart, 2007). Аффект здесь уже не относится к персональным чувствам, но, скорее, к

---

18. Дж. Роуз цитируется по: Thrift, 1997: 130.

«до-персональной интенсивности, соответствующей переходу от одного переживаемого телом состояния к другому, и предполагает увеличение или уменьшение способности этого тела к действию» (Massumi, 2004: xvii). Субъект, или то, что мы привыкли считать субъектом, «аффективен»; он участвует в «аффективных диалогических практиках, он возникает из них... рождается в совместных действиях и для них» (Thrift, 1997: 128). Суть здесь в том, что аффекты, с одной стороны, не принадлежат какому-либо субъекту, а с другой — и не соотносятся с каким-либо предметом: они — между субъектом и предметами (Dewsbury et al., 2002: 439).

В-четвертых, теория не-репрезентации концентрируется на повседневных практиках, «которые формируют поведение человека по отношению к другим и к себе в конкретных местах» (Thrift, 1997: 127). Практику, что примечательно, Трифт понимает как материализовавшиеся исполнения работы, которые приобрели достаточную устойчивость с течением времени; как овеществленную с помощью специализированных устройств рутину, воспроизводящую себя в манипулировании этими устройствами (Thrift, 2007: 8). Практики — это «производительные сцепления, которые были построены из всего, или из ресурсов, и которые обеспечивают изначальную внятность мира» (Ibid.: 8). Этот интерес к практике вскрывает одну особенность теории не-репрезентации: она изучает и *репрезентации*. Важно понять, что, хотя отрицание «не» может означать смещение интереса в сторону «от репрезентаций, и особенно от текста» (Thrift, 2003a: 665), теория не-репрезентации внимательно изучает презентации; однако «презентации» выступают здесь уже не как код, который будет взломан, или как иллюзия, которую надо развеять, а как перформатив сам по себе — как деяние (Dewsbury et al., 2002: 438).

Наконец, теория не-репрезентации — это в своем роде *экспериментаторство*, которое не стремится представить непременно полную картину мира и дать его исчерпывающие объяснения; она зачастую оставляет поставленные вопросы открытыми, а ответы незавершенными. Вдохновляясь исполнительским искусством (Thrift, 2003a), теория не-репрезентации стремится избежать «техники чтения, на которой основаны социальные науки», чтобы «впрыснуть толику удивления в социальную науку, которая слишком часто полагает, что должна объяснить все» (Thrift, 2007: 12). В делезовском духе, теория не-репрезентации движима мотивом: «Давайте испытаем это!», а не «давайте оценим это» (Deleuze, 1997). Такого рода теория, определяя проблематику теоретически-ориентированного исследования, требует и соответствующей методологической стратегии, главной характеристикой которой можно считать мультимодальность.

Мультимодальность видеометодов

Перенос внимания на транзитивные аспекты жизни (повседневной, социальной) добавляет к уже известным в социальных науках дихотомиям «микро/макро», «холизм/индивидуализм», «структура/действие», «порядок/конфликт» и т.п. еще одну — «живое/мертвое». «Мертвая социология» представляет собой «уютное,

нейтральное и ограниченное занятие „объектификацией“, тогда как „живая“ — напротив — способна схватывать текучие, разрозненные, многочисленные и чувственные аспекты социального посредством таких исследовательских техник, которые отличаются мобильностью, сензитивностью и способностью совмещать несколько точек наблюдения» (Back, 2013: 18). Причем постижение или исследование «живого социального» с неизбежностью требует экспериментальных методов, в которых исследователь буквально участвует, конституируя проявления изучаемого феномена. Этот экспериментальный императив для видеометодологии предлагает Сара Уотмор, отмечая «насущную необходимость дополнить знакомый набор методов социальных наук, которые опираются на производство текста и речи, экспериментальными практиками, которые усиливают другие сенсорные, телесные и аффективные восприятия, тем самым расширяя круг модальностей, конституирующих объект исследования» (Whatmore, 2006: 606–607). Впрочем, использование видеометодов сбора данных отнюдь не является монополией, изобретением или атрибутом «живой» социологии; и «мертвая» социология зачастую применяет эти новшества — вопрос в том, как и с какой целью.

Немаловажным (а скорее всего, и первостепенным) обстоятельством, выделяющим видеометоды, является и то, что они выполняют эту свою феноменологическую функцию проникновения в «сенсориум», формируясь как междисциплинарный инструмент и как междисциплинарный эксперимент, отличительной особенностью которого выступает мультимодальность.

Видеометоды и видеоматериалы незаменимы как раз в своей мультимодальности — способности, с одной стороны, вызывать разнообразные зрительные и звуковые образы и впечатления у зрителя/слушателя, а с другой — передавать/запечатлеть сложные движения различного рода в едином артефакте. Видео как исследовательский материал буквально вынуждает «аналитика» задействовать в работе с ним не только свои когнитивные способности, но и аффекты, телесную сенсорнику и практику. Мультимодальность видео «анимирует движение, силу и текучесть более-чем-человеческого наблюдаемого феномена, преодолевая когнитивные и вербальные пределы нашего знания, выходя в область познания, где преобладают телесные и мультисенсорные грамматики, для которых у нас еще нет словарей» (Brown, Banks, 2015). Уникальность видеометодов заключается еще и в том, что, запечатлевая в едином «документе» множество различных действий, движений, действующих лиц, изменения обстановки, развитие ситуации в деталях, видео обеспечивает их *синхронность, одномоментность*. Синхронность множества сопряженных действий — это то, что и наделяет качеством «событийности» множество деталей «феноменального поля», которые складываются воедино в ходе и в результате их *задействования* — синхронного — в определенную конфигурацию, называемую событием. Ни один другой метод не дает этой мультимодальной фиксации синхронной множественности действий; поэтому мультимодальность видео выступает в некотором смысле противовесом унимодальности письма/речи/нарратива. В унимодальных (вербальных) формах описания проис-

ходящего в событии с неизбежностью синтагматичны — описание множественности достигается перечислением, выстраиванием последовательности, сопряженности; синхронность при этом может быть лишь констатирована, но не передана непосредственно. Любого рода вербальное описание события и даже фотография рискуют сделать «живое», находящееся в сложном движении, событие (и опыт его переживания) плоским, упрощенным — «мертвым». Процесс создания и работы с видеоматериалом задействует возможности интегрировать кинетические, музыкальные, ритмические, визуальные, световые, текстовые, тональные и т.д. и т.п. параметры человеческого (и не-человеческого) действия. Аудиовизуальные практики и артефакты обеспечивают интегрированное описание материальной воплощенности, ситуативности и синхронности социального действия/события/феномена. Поэтому и методы анализа видеоматериала (даже в формально-научных целях) отличаются многоуровневой сложностью и требуют весьма разнообразной компетенции. Несмотря на кажущуюся простоту работы с современными видеоприборами (с их «дружественным» дизайном, с множеством вспомогательных опций для начинающих), снятый материал редко бывает использован непосредственно для научного анализа — ему предстоит еще подвергнуться тщательной работе по раскадровке, монтажу, редактированию. Редактирование видеоматериала, как признает Ванини, один из самых эзотерических и закрытых вопросов, который редко обсуждается видеометодологами. Но, несомненно, это и самый творческий и эвристический процесс в видеоисследованиях, сочетающий в едином результате и эстетическое, и информационное, и сенсорное восприятие материала. Не всегда этот процесс можно свести к простому транскрибированию или нарративному картографированию. Тем не менее, несмотря на то, что все чаще можно встретить неконвенциональные (не-текстовые) способы коммуникации социальных ученых, представляющих результаты своих видеоисследований и обменивающихся видеоматериалами в самых неожиданных местах, проблема конвертации мультимедального и мультисенсорного контента видеоматериала в унимодальность текста/нарратива остается открытой. Как заставить «заговорить» полученный материал, а тем более — «рассказать» нечто такое, что недоступно невооруженному теоретической логикой обыденному зрению? Как «отчеканить» результат или находку, полученную в ходе анализа видеонаблюдения в узнаваемую социальными учеными форму текста, не упуская специфики этого анализа и не поступаясь деталями в описании результата? Каким может быть такой нарратив?

Морфология нарратива и видеоанализ

Рассматривая многочисленные и разнообразные подходы к определению нарратива в социальном исследовании, не будем забывать, что нас интересует нарратив не просто как изложение произошедшего «по памяти», как «припоминание», но, скорее, как артикулирование, проговаривание увиденного «здесь и сейчас»; содер-

жание такого нарратива не переносится из «ментальной карты событий» в текст, но складывается из непосредственных зрительных впечатлений.

Традиционная нарратология предлагает разные определения нарратива. В. Лабов определяет нарратив как «способ воссоздания прошлого опыта путем соотношения последовательности предложений с последовательностью событий, которые (это вывод) на самом деле произошли» (Labov, 1972: 359–360). Мы находим определение нарратива у С. Риммон-Кенана: «...нарратив/сочинение... [это] последовательность событий» (Rimmon-Kenan, 1983: 2–3). С. Коэн и Л. Шайрс считают, что «отличительной чертой нарратива выступает его линейная организация событий» (Cohan, Shires, 1988: 52–53). М. Тулен дает «минималистское определение нарратива» — «воспринимаемая последовательность неслучайным образом связанных событий» (Toolan, 1988: 7).

Именно история — хронологическая последовательность событий — обеспечивает основные строительные блоки нарратива. Без истории нет нарратива. «Наличие или отсутствие истории отличает нарратив от текстов без нарратива» (Rimmon-Kenan, 1983: 15). «Историю можно рассматривать как путешествие от одной ситуации к другой» (Ricoeur, 1984: 70). История, другими словами, означает изменение ситуации, выраженное в развертывании определенной последовательности событий. Хронологическая последовательность является решающим компонентом любого определения истории.

Но различие «деяние vs говорение» явно или неявно лежит в основе лингвистических теорий нарративных структур. По словам П. Рикера, «нет такого структурного анализа нарратива, который бы не заимствовал (явно или неявно) из феноменологии „деяния“» (Ricoeur, 1984: 56). М. Бал аналогично указывает, что «в целом теории нарратива, как правило, стремятся анализировать ход действий, которыми они и ограничивают свою историю» (Bal, 1977: 89). Ж. Женетт (Genette, 1980: 164, 169) различает нарративы событий и нарративы слов. В общем, нарративный текст будет содержать смесь обоих типов предложений — нарративных/повествовательных и не-нарративных/не-повествовательных. В частности, описательные и объяснительные предложения, как правило, входят в минимальный нарратив (Ricoeur, 1984: 66; Bal, 1977: 13; Rimmon-Kenan, 1983: 14–15). «Только описание недостаточно, чтобы составить нарратив; нарратив, в свою очередь, не исключает описания. Нарративный текст в основном рассказывает историю (так же как драма, но в отличие от лирики) сложным образом (в отличие от двух других типов текстов), где отношение дискурса рассказчика к дискурсу действующего максимизировано (в отличие от лирического и драматического текстов)». «В современных теориях литературы, — говорит Бал, — описание играет незначительную роль. Структурный анализ нарратива относит его к вторичной функции: оно подчинено нарративу действия».

«Нарратив... разделяет с другими нарративами общую структуру, которая открыта для анализа, не важно, сколько терпения его формулировка требует» (Barthes, 1977: 80). Мы видели результаты этого коллективного усилия в поисках

«инвариантных структурных единиц, которые представлены различными искусственными формами» (Labov, Waletzky, 1967: 12); рецидивных характеристик и закономерностей «различимых» за нарративами (Greimas, 1966: 794); за «миллионами нарративов» (Barthes, 1977: 81), чтобы быть более точным. В. Пропп сделал первый смелый шаг в сторону структурного анализа нарратива, когда определил инвариантный образец 31 функции из огромного разнообразия русских народных сказок. Независимо от конкретного содержания сказки, независимо от того, как она была рассказана, русские сказки, по Проппу, будут демонстрировать (по крайней мере, некоторые из них) эту 31 основную функцию (Пропп, 1928). Кроме того, последовательность, в которой эти функции появляются, фиксированна. А. Греймас обобщил 31 функцию Проппа в базовый набор из шести функций (Greimas, 1966).

Лабов нашел шестичастную макроструктуру в народных нарративах афроамериканцев из нью-йоркского Гарлема: аннотация, ориентация, осложняющее действие, оценка, результат или разрешение, кода (Labov, 1972: 362–370; см. также: Labov, Waletzky, 1967). Т. ван Дайк в еще более общем виде утверждает, что все тексты характеризуются макроструктурой («схемой»), которая обеспечивает «глобальную схематическую форму» дискурса — разные жанры дискурса характеризуются различными схемами (van Dijk, 1988: 24). Таким образом, схема газетной статьи состоит из резюме и истории; история затем содержит ситуацию и комментарии; ситуация включает эпизод и фон; эпизод включает в себя основные события и последствия; в то время как фон включает контекст (обстоятельства и предыдущие события) и историю (van Dijk, 1988: 51–59).

Когнитивные психологи и ученые-компьютерщики, участвующие в исследовательских проектах, изучающих распознавание (понимание) компьютером естественных языков, подобным же образом представляют историю с точки зрения «грамматики истории» (например: Rumelhart, 1975; Mandler, 1978). За последнее десятилетие социологи предложили различные методы анализа нарративных текстов, которые основываются на тех или иных структурных лингвистических особенностях нарратива. П. Абель (Abell, 1987), например, предложил методику, названную им «сравнительные нарративы», которая основана на формальном представлении нарративных структур в понятиях действующих и их действий. В работе Р. Францози, разработана сюжетная грамматика (или семантическая грамматика), которая позволяет структурировать информацию, представленную в газетных статьях о протестных событиях (Franzosi, 1989). Семантическая грамматика, по мнению Францози, имеет ряд преимуществ по сравнению с более традиционными схемами контент-анализа для обработки текстовых данных (Franzosi, 1989, 1990a, 1990b). В частности, переформулировка грамматики в установленных теоретических понятиях позволяет исследователям перейти «от слов к цифрам», т.е. проанализировать нарративную информацию статистически (Franzosi, 1990b). Кроме того, в рамках установленного теоретического понятийного аппарата основная структура семантической грамматики легко переводится в математиче-

скую структуру, которая лежит в основании сетевых моделей (Franzosi, 1998). Другие подходы, предложенные социологами, аналогично начинают со структурных характеристик нарратива. А. Эбботт (Abbott, 1995), например, исследует организацию последовательностей в нарративных структурах в поисках моделей рекуррентных последовательностей.

Еще более тесно связан со структурными характеристиками нарратива метод анализа текстовых данных, предложенный Д. Хейсом (Heise, 1989; Corsaro, Heise, 1990). Следуя философской и лингвистической традиции различения значений «вещей, происходящих одно по причине другого или только друг за другом», динамических и статических мотивов, кардинальных функций (или ядер) и катализаторов, «ядерных» и сопутствующих событий, Хейс разработал компьютерную программу ETHNO, которая вынуждает исследователей делать неявные предположения, встроенные в причинно-следственные аргументы, явными, поскольку эти аргументы отражены в хронологической последовательности предложений нарратива, составляющих скелет повествования. Кроме того, этот подход помогает выявить вопросы исследования и даже образцы социальных отношений, сосредоточившись на одном нарративе. Что характерно для этих новых методов, так это то, что их реальный вклад лежит, как кажется, не столько в методологической, сколько в гносеологической области. Несомненно, точка зрения на социальную реальность, основанная на нарративных данных, смещает интерес социологов от переменных к акторам, от основанных на регрессии статистических моделей к сетям и от основанной на переменных концепции причинности к контингентным нарративным последовательностям. Такая точка зрения делает социологию ближе к истории, и собственные интересы социологии сближает с проблемами обыденных акторов. Здесь стирается грань между занимающими социологов качественными и количественными методическими противостояниями, бесполезными дискуссиями на протяжении последних лет пятидесяти (см.: Abell, 1987: 3–12). Но стоит ли та или иная техника сломанных копий (особенно когда она претендует подняться над методологическими спорами в область гносеологии), решительным образом зависит от тех результатов, которые она производит. До сих пор исследователи, участвующие в этом производстве, представляют нам продукты ограниченного свойства. И, наконец, большой массив данных о событиях, которые компьютеризированы с помощью семантических грамматик, может заставить исследователей принять описательные/повествовательные модусы объяснения; нарратив непосредственного свидетельства навязывает свою форму способу объяснения. При переходе «от слов к цифрам» мы, возможно, непреднамеренно уходим от «тощих объяснений» (на основе переменных и моделей регрессии) к «плотным» описаниям.

Наша способность понимать и вполне схватывать смысл неразрывно связана с богатством базовых знаний, которые читатели сознательно или неосознанно привносят в текст в процессе производства смысла. «Не бывает знания без предзнания», как говорят ученые-герменевтики (Diesing, 1991: 108).

У. Эко по этому поводу различает «наивное» и «критическое» чтение текста, «причем последнее является интерпретацией первого» (Есо, 1979: 205). Никогда не бывает только одного сообщения, однозначно закодированного в тексте; в нем всегда есть несколько сообщений («сеть различных сообщений»), которые декодируются различными читателями, наделенными разными «интертекстуальными фреймами» и «интертекстуальными энциклопедиями», и различными кодами чтения (Ibid.: 5). Роль читателя далеко не пассивная. Рассказчики и авторы, конечно, могут попытаться выстроить текст так, чтобы читатель выбирал «предпочтительный» для автора вариант прочтения. Каковы бы ни были «предпочтения» автора, читатели привносят свои собственные предпочтения и свои точки зрения. Вряд ли когда-нибудь текст может быть так «закрыт», чтобы допускать только один тип чтения, исключая все остальные¹⁹. Даже когда их пытаются «закрыть», исход их прочтения читателем другой «модели» непредсказуем. «Никто не может сказать, что произойдет, если конкретный читатель отличается от „среднего“» (Ibid.: 8). Вопреки мнению структуралистов на текст как на закрытый автором в процессе его производства, Каллер, Эко и другие рассматривают текст как нечто на самом деле производимое в процессе чтения. «Читатель в качестве активного принципа интерпретации является частью картины генеративного процесса текста» (Ibid.: 4).

Не считая этнометодологического подхода к текстам, социологи в массе своей, как правило, не заинтересованы в анализе лингвистических нюансов текста (и не имеют теоретических и методологических инструментов для этого) — что может один текст рассказать им о трендах в социальных отношениях? Они также не интересовались инвариантными, структурными образцами нарративов — действительно, социологи исследуют образцы, но не образцы текстов (это дело лингвистов), а образцы социальных отношений (см.: Todorov, 1981: 5–6). В погоне за образцами социальных отношений социологи выдергивают из текста общие нити («темы») — общие для текстов, но применимые к реальным людям, а потом они считают в табличной форме эти темы (сколько таких, сколько сяких). Или они берут фрагменты этих общих тем. Анализируя «истории респондентов», социологи кромсают отдельные истории на части и собирают из этих частей новые истории; последовательность, согласованность и контекст каждого оригинального нарратива оказывается утраченным. Этим новым историям социологи затем навязывают согласованность «научного» этнографического текста в контексте социологической «литературы». Тем не менее «именно потому, что нарратив является основной смыслопроизводящей структурой, он должен быть сохранен, а не разрушен исследователями, которые должны бережно относиться к способам, какими респонденты выстраивают смысл, и анализировать именно эти способы» (Kohler Riessman, 1993: 4). Это, конечно, легче сказать, чем сделать. Такой тщательный анализ нескольких коротких текстов возможен. Но как быть, когда исследователи сталкиваются с большими объемами нарративных данных (например, этнографи-

---

19. О концепции «открытых» и «закрытых» текстов см.: Есо, 1979: 8–11.

ческого материала или неструктурированных интервью)? При нынешнем уровне развития лингвистической формализации и компьютерного программирования вряд ли можно избежать того или иного вида тематического анализа, предложенного контент-анализом (даже если эти темы или «понятия» представлены в терминах сетевых отношений, см.: Carley, 1993).

Однако в случае с видеоэтнографией и видеогерменевтикой особую проблему представляет перенос смысла (адекватность и обоснованность) из «мультимедальности» и «сенсориума» пережитого изображения в языковую форму, в текст.

Нарративный анализ видеоданных: перспективы и ограничения

Исследовательский нарратив, основанный на видеоматериале, приближается к результирующему тексту-описанию собственно «социального события» поэтапно: сначала это «обыденный» нарратив, руководствующийся ответом на вопрос «Что происходит? Что я вижу?»; затем — «формально-регистрационный», стремящийся к максимальному описанию деталей, незаметных на первый взгляд и представляющихся не имеющими отношения к первому вопросу; и, наконец, «аналитический», собственно текст научного анализа детализированного видеоматериала. Все три варианта (этапа) нарратива оказываются неизбежно помещены в «средуситуацию», без которой само действие видеорегистрации с последующими итерациями нарративов не кажется возможным. Этот *контекст* представлен более широким — «охватывающим» — нарративом, обозначающим общую (за пределами пространственно-временных рамок «здесь и сейчас», зарегистрированных на видео) ситуацию, в которой происходит анализируемое взаимодействие, и специфический язык описания, опознаваемый как адекватный (и тем самым — обозначения границ) этой сфере деятельности и взаимодействия.

Стратегия построения такой нарративной конструкции и соотнесения этой конструкции с эмпирическими видеоданными дает основания говорить о «теоретически ориентированном исследовании» (theory-oriented research). Теоретически ориентированное исследование — это особая методологическая стратегия, которая исходит из целого ряда допущений. Первое из них — различие специфики социального исследования, которое заключается в том, что его предмет не имеет непосредственного эмпирического референта и всегда конструируется теоретически (хотя и с различной степенью абстракции). Что именно идентифицируется как проблема, подлежащая исследованию, что есть социальный факт и каким способом обосновывается релевантность его соотнесения с конкретным (измеряемым) объектом — вопросы теоретические. Это самое общее методологическое основание теоретически ориентированных исследований в социологии. Можно их определить — проще — и как исследования, методология которых отдает себе отчет в этой специфике, т.е. как рефлексивные исследования.

Второе различие касается структуры исследования: в нем выделяют креативную и критическую фазы. Креативная фаза предполагает основанное на теории

конструирование гипотез относительно исследуемой проблемы; критическая — проверку этих гипотез непосредственно в исследовании или эксперименте. Соединение этих двух фаз дает в целом теоретически ориентированное эмпирическое исследование.

Наконец, различие теоретического и эмпирического исследования требует также соотнести теоретически ориентированное исследование с различием фундаментальных и прикладных исследований. Фундаментальное исследование по определению теоретически ориентированно, тогда как прикладное можно назвать практически ориентированным. Исследование фундаментально до той степени, в какой оно на своей креативной стадии формулирует гипотезы и предсказания, исходя из теоретических допущений с целью прояснения, проверки и развития теории (или в связи с переходом теории на другой уровень абстракции). Прикладным же исследованием в этой логике будет такое, которое выдвигает свои гипотезы из практической необходимости произвести компетентное решение конкретной проблемной ситуации, требующей непосредственного практического вмешательства.

Не стоит и говорить, что теоретически ориентированное (эмпирическое — лабораторное или полевое) исследование, нацеленное на приращение теоретического знания, по сути, отлично от теоретического исследования, предполагающего исключительно «работу с текстами», их интерпретацию; сравнительный анализ, систематизацию, классификацию, кодификацию и проч. каких-либо концептов или идеальных типов.

Суть нарративного анализа видеоматериала заключается в том, чтобы установить и описать различия в нарративах (фиксирующих научное наблюдение, полученное посредством видеозаписи) в зависимости от изменений и преобразований исходного видеоматериала. Методически здесь происходит наложение двух процессов — поэтапного развития нарратива в контексте и технического преобразования видеоматериала (раскадровка, таймлапс, многоугольная картинка, увеличение отдельных участков и т.д.). Выявление этих различий в нарративах позволяет конкретно представить, как формируется тезаурус научного описания (в отличие от обыденного) видеоматериала, как выстраивается логика анализа его фрагментов и как осуществляется синтез целостной интерпретативной последовательности (порядка) в научном нарративе.

Для достижения этой цели выполняются основные задачи, которые заключаются в построении нескольких нарративов одного и того же фрагмента видеозаписи, фиксирующей «взаимодействие» человека и, например, антропоморфного робота. Эти нарративы подразделяются на две группы — контрольную (нарративы видеозаписи «в реальном времени» с различных точек зрения и с различным «приближением» — «обыденного» наблюдателя, описывающего, «что происходит»; детализированное описание исследователя, задача которого не упустить ничего, что, так или иначе, соприкасается с ситуацией взаимодействия; точка зрения компетентного наблюдателя, способного видеть происходящее в технических/

технологических деталях) и экспериментальную (нарративы отдельных, мельчайших фрагментов той же видеозаписи после ее раскадровки). Раскадровка записи или воспроизведение ее в замедлении является экспериментальным изменением ситуации просмотра и описания. Сравнение двух групп нарративов позволяет выявить особенности, последовательность, тезаурус формирования социологического нарратива события действия и взаимодействия. Почему нарративы именно видеоматериалов дают возможность выявить эти, по сути, интерпретативные (латентные) механизмы исследовательской практики?

Неявный характер («смотреть, видеть, но не замечать») человеческой деятельности и социальной организации, в сочетании со сложностью действия и взаимодействия, предполагает, что нам нужны дополнительные ресурсы, если мы хотим объяснять детали человеческого поведения в его «естественных» условиях. Видеозаписи предоставляют нам эти ресурсы. Они позволяют нам уловить различные точки зрения (в буквальном смысле слова) на действия и взаимодействия в повседневной обстановке и пересмотреть их более тщательно с помощью замедленного воспроизведения и т.п. Таким образом, они обеспечивают доступ к мельчайшим деталям поведения, как речевого, так и телесного. Они позволяют нам, например, отслеживать появление жеста, чтобы определить, в какую сторону человек смотрит и на что именно он смотрит; и восстановить способы, которыми они обращаются и осваивают объекты и артефакты. Видеозаписи обеспечивают также возможность *показать* данные, на которых основаны выводы и расчеты, другим исследователям и, тем самым, подвергать их более тщательному и многостороннему анализу членами академического сообщества. В отличие от традиционных этнографических данных, видеозаписи могут обеспечить создание базы данных, которая станет предметом для широкого круга аналитических интересов; видеоданные не просто привязаны к конкретным проектам, конкретным подходам или интересам конкретного исследователя. Для исследователей, интересующихся материальными условиями, в которых возникает действие и взаимодействие, видеозаписи могут предоставить возможность анализа эмерджентных характеристик этого материального окружения. Мы можем, например, увидеть, как люди пишут документы, манипулируют объектами, используют артефакты, такие как телефоны, компьютеры, факсы и т.п.; мы можем также отследить изменения на экранах, таких как компьютерные или телевизионные мониторы, дополнения в записи, изменения планов и т.п. Видеозаписи, следовательно, обеспечивают нас ресурсом, с помощью которого мы можем проанализировать «ситуированное» действие; то, как оно протекает в его естественной среде (материальной или виртуальной).

Примечательное отсутствие видео (или эпизодичность его появления) в качестве аналитического ресурса в научном социальном исследовании имеет свою причину — отсутствие соответствующей методологической ориентации, и в меньшей мере — отсутствие интереса к использованию возможностей видео в социологическом исследовании. В самом деле, концептуальные и аналитические предпочтения значительной части корпуса качественных исследований (символического

интеракционизма, теории деятельности и т.п.), которые прекрасно используют материалы, полученные с помощью традиционных полевых исследований, не обязательно совпадают с теми деталями обстоятельств повседневного окружения, с которыми сталкивается видеорегистратор. Тем не менее концептуальные ресурсы, с помощью которых мы можем начать использовать видео для целей социологического исследования, предоставляются этнометодологией и конверс-анализом. Как и другие формы качественного социального исследования, они не связаны со специфическим методом как таковым, набором четко сформулированных техник и процедур, а скорее, представляют собой методологическую ориентацию, которая позволяет рассматривать действия и события в «естественных» условиях. В чем выражается эта ориентация?

Во-первых, речевые акты и телесное поведение (процессуальность которых имеет принципиальное значение) являются социальными действиями и представляют собой основные механизмы, посредством которых люди достигают воплощения социальных событий. Во-вторых, смысл и значение социальных действий и событий неотделимы от непосредственного контекста; они появляются шаг за шагом, рефлексивно, создавая контекст, в котором они возникают. В-третьих, люди в своей деятельности используют и полагаются на практики, процедуры и суждения, словом — на «методологические ресурсы», с помощью которых они производят социальные действия и интерпретируют поступки других.

Фактическое значение, или смысл, объектов и артефактов, которые наблюдаемы, узнаваемы, замечаемы и т.п., зависит от хода действия, в котором они становятся актуальными. Действительно, в последние годы наблюдается растущий интерес у социальных ученых к тому, что стало в целом характеризоваться как «ситуативное действие». Этот интерес отражает давнюю озабоченность социальных наук контекстом и уникальностью событий и действий, их неповторимостью. Есть тенденция, однако, даже среди наиболее радикальных аналитических исследований, рассматривать контекст как «рамку», в которой происходит действие. Особенности конкретного контекста, в том числе физической среды, цели происходящего и т.п., как полагают, отягощают/осложняют организацию поведения участников, и, в свою очередь, их действия воспроизводят характеристики, связанные с конкретными ситуациями или контекстами. Этнометодология и конверс-анализ практикуют несколько иной подход. Вместо того чтобы рассматривать конкретную ситуацию как «рамку», в которой действие имеет место, они рассматривают контекст этого действия как произведение участников взаимодействия и деятельности. Участники конституируют обстоятельства и ситуации, деятельность и события «посредством» своих социальных действий.

Что касается контекста и ситуации, важно отметить особый интерес исследователей взаимодействия к «длительности выполнения действий в повседневной жизни». В отличие от других форм качественного исследования, этнометодология и конверс-анализ рассматривают способы, которые позволяют отслеживать социальные действия так, как они возникают, шаг за шагом; ситуации и обстоятельства

поступательно осуществляются самими участниками «изнутри» этих условий действия. Во взаимодействии его участники производят свои действия, ориентируясь на поведение других, и особенно на непосредственно предшествующее действие или деятельность. В свою очередь, их действия формируют основу для последующего действия, ориентированного на предыдущее. Таким образом, участники взаимодействия, например, производят действия, ориентируясь на предыдущее действие и на соответствующие ему обстоятельства, которые оно устанавливает. Более того, каждое действие следует понимать, учитывая его положение по отношению к предыдущему действию(ям). Действия также и перспективно ориентированы, направлены на поощрение, стимулирование, производство последующего действия, которое, в свою очередь, образует основу для оценки участниками действий друг друга и своих собственных.

Действие внутри взаимодействия предоставляет возможности для последующих действий и выстроено таким образом, чтобы сохранять возможность дальнейшего взаимодействия. Последовательное расположение действий в рамках возникающего процесса взаимодействия имеет решающее значение для производства и распознавания поведения, и, следовательно, для анализа социального действия и активности.

Путем тщательного изучения конкретных случаев, фрагментов действия и взаимодействия, анализ направляется на экспликацию ресурсов, компетенций, на которые люди полагаются, когда участвуют во взаимодействии. Взаимодействие, эмерджентный и последовательный характер поведения, предоставляет уникальные возможности эксплицитировать эти ресурсы. Мы можем изучить последовательные действия и деятельность в целом для исследования того, как сами участники взаимодействия реагируют на поведение друг друга и, в свою очередь, как участники реагируют на ответы других. Каждое действие отображает понимание предыдущего действия, понимание, которое ориентировано на последующие действия и которое можно подвергнуть доработке, уточнению или исправлению. Таким образом, последовательная организация взаимодействия является одновременно и темой, и ресурсом этих исследований (Heath, Hindmarsh, 1999: 99–121).

Видеоданные и данные полевых исследований: комплементарность и принципиальные отличия

Хотя первичными данными для анализа являются видеозаписи естественным образом происходящих действий, важно, что исследователь при этом проводит и традиционную полевую работу. Например, исследования по взаимодействию в сложных организационных условиях требуют от исследователя ознакомиться с обстановкой. Ему необходимо понимать, чем занимаются наблюдаемые, события, с которыми они имеют дело, и виды инструментов и технологий, которые они используют, чтобы делать свою работу. Поэтому, чтобы ознакомиться с обстановкой, зачастую необходимо проводить обширную работу по включенному и не-

включенному наблюдению, и во многих случаях проводить длительные беседы с самими участниками.

Необходимость самого обширного и детального привлечения контекста позволяет прежде всего достичь понимания технического жаргона, который используется, и того, как он используется. Важно также ознакомиться с инструментами и технологиями, применяемыми участниками взаимодействия, и способами работы различных систем, их непосредственного использования в конкретной обстановке. Так, например, необходимо изучить документы, записи, пособия, инструкции и т.п., которые представляют особенности конкретных организационных условий и играют решающую роль в том, каким образом участники организуют взаимодействие и объясняют происходящие события.

Во многих случаях очень важно, чтобы видеозаписи сочетались с обширной работой на местах, где исследователь становится все более и более знаком с характеристиками окружающей институциональной среды, недоступными непосредственному наблюдению, т.е. только через видеозапись.

Зачастую бывает необходимо провести небольшое количество полевых работ до записи, для того чтобы быть в состоянии решить, где разместить камеру и микрофон, чтобы были схвачены наиболее релевантные (в отношении целей исследования) действия. Надо определить, как выбрать угол съемки, который позволит нам четко видеть нужные объекты. И в проведении полевых наблюдений, и производя видеозапись, следует, как это делают многие другие полевые исследователи (см., например: Goodwin, 1995; Grimshaw, 1982; Harper, 1994), рефлексировать относительно собственного участия исследователя в ситуации и влияния на нее. Исследователь, собирающий видеоматериал, вынужден принять меры предосторожности, чтобы и «реактивность» наблюдаемых снизить, и оценить данные на предмет влияния на них условий записи. Рефлексивность видеорегистратора и видеонарратора является одним из «само-собой-разумеющихся» контекстов экспликации процесса действия и взаимодействия в транскриптах. Транскрипты не заменяют видеозапись в качестве данных, но представляют собой ресурс, посредством которого исследователь может начать более тщательное знакомство с деталями поведения участников взаимодействия.

Экология взаимодействия и рефлексивность наблюдателя в анализе видеоматериалов

Вербальное и телесное поведение участников взаимодействия неотделимо от материальных особенностей окружения, предметов, артефактов и рефлексивно представляет, как эти объекты и артефакты вступают в игру по ходу действия. Участники взаимодействия не только действуют, ориентируясь на эти объекты и артефакты определенным способом и в определенные моменты, но и посредством тех способов, которыми эти вещи используют, замечают, обращают или не обра-

щают внимания на них и т.п., конкретная вещь получает определенный смысл и актуальность внутри и по ходу действия.

При проведении основанных на видеометодах полевых исследований социального взаимодействия у нас есть возможность обратиться к характеристикам действий и обстановки действия, которые сформировали интерес для более традиционных этнографических исследований. Физическая среда, среди других характеристик, часто рассматривается как формирующая основу для действий и различными способами предоставляющая ресурсы, включая символические представления, для организации и интерпретации действий. Аналитическая схема видеонаблюдения включает и материал физического окружения и, конечно, телесного, а также вербальное поведение. Однако вместо того чтобы рассматривать материальные реальности как имеющие подавляющее влияние на области поведения, тем самым предполагая, что их смысл и значение остаются неизменными на протяжении всего хода событий, мы должны изучить способы, в которых предметы, артефакты и т.п. получают их особое значение в конкретных моментах по ходу действий. Материальные характеристики непосредственной обстановки привлекаются, называются, используются, замечаются в определенные моменты для конкретных целей, и они получают свой смысл или значение в эти моменты внутри действий, в которых они на данный момент оказываются актуальными. Они участвуют как в производстве действия, так и в способах, которыми участники наделяют смыслом действия друг друга.

Непосредственная экология объектов и артефактов предоставляет ресурсы для производства действий, а также способы, которыми участники сами опознают и понимают поведение друг друга. Смысл и определение материального окружения рефлексивно конституировано, внутри и посредством действий участников взаимодействия.

В заключение: о методологических перспективах видеонарратива

Интерес к способам, которыми материальная среда входит в практические действия и взаимодействия, отражается в растущем корпусе эмпирических исследований «рабочих мест», состоящих из натуралистических исследований работы, взаимодействия и технологии. Они обеспечивают программные примеры способов, которыми полевые исследования взаимодействия на основе видео могут внести свой вклад в разработку проблем, обычно связываемых с более традиционными этнографическими методами.

Эти исследования включают анализ работы и взаимодействия в таких материальных средах, как диспетчерские центры, библиотеки, банки и т.п. Они ярко иллюстрируют не только важность принятия во внимание материальных возможностей окружающей среды, таких как инструменты и артефакты, но и рассмотрение способов, какими эти инструменты и сложная информация, которую они обеспечивают, становятся особенностью действия и социального взаимодействия. В

таких местах, как диспетчерские, есть огромный массив информации, представленной в документах, на мониторах, в диаграммах. Проблема состоит в изучении и демонстрации того, что является актуальным и как это становится актуальным, в рамках действия и взаимодействия (см., например: Luff, Hindmarsh, Heath, 2000; Корбут, 2012, 2016). Если угодно, такие материальные среды позволяют самым решительным образом продемонстрировать вопросы, поднятые в этом исследовании; наша задача не просто принимать материальную среду всерьез (как и другие потенциально соответствующие функции, такие как организационная обстановка, ресурсы участников и т.п.), но аналитически продемонстрировать, как такие материальные характеристики становятся актуальными и рефлексивно конституируемыми в действии.

Видеозаписи, часто с использованием нескольких камер, дополненные обширным объемом полевых исследований, обеспечивают уникальный доступ к таким непростым задачам, а этнометодология и нарративный анализ предоставляют ресурсы для препарирования интеракционной организации действий и событий в этих сложных технологических параметрах и показывают релевантность материального окружения в актуальном ходе действия. Такие исследования не только вносят свой особый вклад в наше понимание организационных действий, но и изменяют способы, которыми социальные и когнитивные ученые начинают воспринимать взаимодействие между людьми и сложными техническими устройствами, такими как компьютеры и роботы.

В большинстве своем анализ видеоэтнографии, как уже было отмечено, опирается на этнометодологию «рабочих мест» и использует стратегии и методы рассмотрения взаимодействия агентов и артефактов, которые вместе составляют «экологию события». Что касается анализа вербального взаимодействия внутри этих экологий, то здесь предпочтение, как правило, отдается конверс-аналитическим техникам.

Рефлексия же относительно собственного действия/взаимодействия является началом и непременным условием последующего нарратива этого взаимодействия. В обоих случаях мы можем получить нарративы участников взаимодействия, которые, в свою очередь, могут стать частью и объектом нарратива наблюдателя взаимодействия. Но что это такое — «нарратив наблюдателя взаимодействия»? В этом случае мы имеем дело, так сказать, с «многопорядковым» наблюдателем одного и того же взаимодействия. Причем наблюдателем разных порядков может выступать один и тот же человек. Так, наблюдатель первого порядка (пусть даже вооруженный камерой), по сути, является включенным наблюдателем: он производит видеозапись, создает материал/историю для нарратива (или даже «видеонарратив»), будучи внутри ситуации, часть которой попадает в объектив видеокамеры. Его нарратив (и его видение) этой ситуации может и не совпадать полностью с тем, что попадает в видеозапись. Однако в этом нарративе как момент рефлексии присутствует различие того контента ситуации, который

попадает в запись, и ее общего плана, в который включен сам наблюдатель/оператор, но который не совпадает с записью.

Наблюдатель второго порядка наблюдает ситуацию, записанную на видео, и вместе с тем он может наблюдать позицию оператора и рефлексировать относительно «точки зрения» оператора (даже если оператором был он сам). Это рефлексия невключенного наблюдателя, работающего с изображением как с текстом, разбирающего контент ситуации по видимому (запечатленному на видео) ее фрагменту. Его нарратив и рефлексивность (относительно того, что суждения о ситуации выносятся на основании наблюдения лишь ее части и что видеозапись ситуации не есть собственно сама ситуация, но артефакт, и что, наконец, эти суждения могут зависеть и от условий/обстоятельств оперирования этим артефактом, т.е. от условий просмотра видео) ограничены видимым контентом и в основном сводятся к ответу на вопросы «Что я вижу в этой записи?», «Что здесь происходит?», «Как это происходящее можно назвать?».

Наблюдатель третьего порядка — тот, кто, «снимая слой» первого впечатления/гештальта, не удовлетворяется только ответом на вопрос «Что происходит?», но стремится ответить на следующий, глубинный вопрос «Что за этим кроется?». Для этого он первым делом углубляется в «фактичность» происходящего на видео, отмечая, подбирая, регистрируя в своем нарративе мельчайшие детали, видимые в изображении ситуации. Этот взгляд собственно наблюдателя-исследователя, его нарратив — это, скорее, скрупулезная регистрация (не обязательно «значимых», «значимость» определяется в итоге исследования) деталей, принимающая в расчет и «фактичность» самого видеоматериала. Собственно «значимость», приписываемая тем или иным деталям и мельчайшим эпизодам в изображении, и есть та «естественная установка», которая преодолевается в наблюдении третьего порядка, когда наблюдатель «остраняется» от (собственного или нет) «само собой разумеющегося» представления о значимости в контексте наблюдаемой ситуации; в этом заключается основной момент рефлексии наблюдателя третьего порядка.

Наконец, наблюдатель четвертого порядка помещен в экспериментальную ситуацию. Он просматривает видеозапись в замедленном воспроизведении, в раскадровке на фрагменты продолжительностью в десятые доли секунды. Он видит «невидимое» невооруженным глазом, он способен в этом режиме рефлексировать синхронность множества деталей (причем не только синхронность их статического соприсутствия и соотношения, но и динамику изменений этого соотношения — собственно движение, «развитие» ситуации). Его нарратив — рассказ о том, что лежит за гранью видимого, привычного, ожидаемого, незамечаемого, само-собой-разумеющегося, узнаваемого, надежного, очевидного и т.д.

Как выстраиваются эти нарративы? Можем ли мы выявить какие-то общие для различного порядка нарративов одного и того же видео структуры? Каковы особенности нарративных структур различных порядков наблюдения? Что происходит с рефлексивностью в нарративе при переходе из одного регистра наблюдения в другой?

В целом использование видеозаписей как данных служит и в качестве контроля и проверки наших ограниченных (и порой — ошибочных) интуиции и воспоминания; они предоставляют наблюдателю широкий диапазон материалов, относительно интеракций и их обстоятельств, а также предоставляют некоторые гарантии, что аналитические соображения не возникнут как артефакты интуитивной идиосинкразии, селективного внимания или воспоминания или в результате натурного эксперимента (Heritage, 1984: 4).

Необходимость проникновения в текст (и дальше — в видеозапись как в текст) требует от социологов сосредоточения на лингвистических проблемах (и дальше — на проблемах изобразительных искусств — в самом широком смысле). Понимание контекста требует от социологов открытости не только смежным, но и дальним дисциплинам, «абсолютной адекватности метода» и «безразличия» к междисциплинарным барьерам.

Литература

- Баньковская С. П.* (2011). Понятие гетеротопичной среды и экспериментирование с ней как с условием устойчивого нецеленаправленного действия // Социологическое обозрение. Т. 10. № 1. С. 19–33; № 2. С. 22–24.
- Бауман З.* (1996). Мыслить социологически / Пер. с англ. С. П. Баньковской и А. Ф. Филиппова. М.: Аспект-Пресс.
- Корбут А. М.* (2012). Видео социо // Социологическое обозрение. Т. 11. № 2. С. 143–152.
- Корбут А. М.* (2016). Шаблон в структуре действия: электронные медицинские карты и рутинизация в медицинской практике // Социологическое обозрение. Т. 15. № 1. С. 34–53.
- Миллс Ч. Р.* (1998). Социологическое воображение / Пер. с англ. О. А. Оберемко под ред. Г. С. Батыгина. М.: Стратегия.
- Пропт В. Я.* (1928). Морфология сказки. Л.: Academia.
- Савельева И. В., Полетаев А. В.* (ред.). (2009). Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М.: Новое литературное обозрение.
- Тённис Ф.* (2002). Общность и общество / Пер. с нем. Д. В. Скляднева. СПб.: Владимир Даль.
- Филиппов А. Ф.* (2001). Георг Зиммель как классик социологии // *Давыдов Ю. Н.* (ред.). Новое и старое в теоретической социологии. Кн. 2. М.: Институт социологии РАН. С. 43–56.
- Филиппов А. Ф.* (2007). Социология пространства. СПб.: Владимир Даль.
- Штомпка П.* (2007). Визуальная социология: фотография как метод исследования. М.: Логос.
- Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В.* (ред.). (2009). Визуальная антропология: настройка оптики. М.: Вариант, ЦСПГИ.

- Abbott A.* (1995). Sequence Analysis: New Methods for Old Ideas // *Annual Review of Sociology*. Vol. 21. P. 93–113.
- Abell P.* (1987). *The Syntax of Social Life: The Theory and Method of Comparative Narratives*. Oxford: Clarendon.
- Anderson B.* (2006). Becoming and Being Hopeful: Towards a Theory of Affect // *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 24. № 5. P. 733–752.
- Anderson B., Harrison P.* (2006). Questioning Affect and Emotion // *Area*. Vol. 38. № 3. P. 333–335.
- Back L.* (2013). Live Sociology: Social Research and Its Futures // *Back L., Puwar N.* (eds.). *Live Methods*. Oxford: Wiley-Blackwell. P. 18–39.
- Bal M.* (1977). *Narratologie: Essais sur la Signification Narrative dans Quatre Romans Modernes*. Paris: Editions Klincksieck.
- Barthes R.* (1977). Introduction to the Structural Analysis of Narratives // *Barthes R.* *Image. Music. Text*. London: Fontana. P. 79–124.
- Bates Ch.* (2015). Introduction: Putting Things in Motion // *Bates Ch.* (ed.). *Video Methods: Social Science Research in Motion*. London: Routledge. P. 1–9.
- Bateson G., Mead M.* (1942). *Balinese Character: A Photographic Analysis*. New York: New York Academy of Sciences.
- Bissell D.* (2008). Comfortable Bodies: Sedentary Affects // *Environment and Planning A*. Vol. 40. № 7. P. 1697–1712.
- Brown K. M., Banks E.* (2015). Close Encounters: Using Mobile Video Ethnography to Understand Human-Animal Relations // *Bates Ch.* *Video Methods: Social Science Research in Motion*. London: Routledge. P. 95–120.
- Carley K.* (1993). Coding Choices for Textual Analysis: A Comparison of Content Analysis and Map Analysis // *Sociological Methodology*. Vol. 23. P. 75–126.
- Clough P.* (ed.). (2007). *The Affective Turn: Theorizing the Social*. London: Duke University Press.
- Cohan S., Shires L. M.* (1988). *Telling Stories: A Theoretical Analysis of Narrative Fiction*. London: Routledge.
- Collier J., Collier M.* (1986). *Visual Anthropology: Photography as a Research Method*. Albuquerque: University of New Mexico Press.
- Corsaro W., Heise D.* (1990). Event Structure Models from Ethnographic Data // *Sociological Methodology*. Vol. 20. P. 1–57.
- Deleuze G.* (1997). *Essays Critical and Clinical*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Denzin N., Lincoln Y.* (eds.). (2005). *The SAGE Handbook of Qualitative Research*. London: SAGE.
- Dewsbury J. D.* (2000). Performativity and the Event: Enacting a Philosophy of Difference // *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 18. № 4. P. 473–496.
- Dewsbury J. D.* (2003). Witnessing Space: «Knowledge without Contemplation» // *Environment and Planning A*. Vol. 35. № 11. P. 1907–1932.

- Dewsbury J., Harrison P., Rose M., Wylie J.* (2002). Introduction: Enacting Geographies // *Geoforum*. Vol. 33. № 4. P. 437–440.
- Diesing P.* (1991). *How Does Science Work? Reflections on Process*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Eco U.* (1979). *The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts*. Bloomington: Indiana University Press.
- Foucault M.* (2002). *The Order of Things*. London: Routledge.
- Franzosi R.* (1989). From Words to Numbers: A Generalized and Linguistics-Based Coding Procedure for Collecting Event-Data from Newspapers // *Sociological Methodology*. Vol. 19. P. 263–298.
- Franzosi R.* (1990a). Strategies for the Prevention, Detection and Correction of Measurement Error in Data Collected from Textual Sources // *Sociological Methods Research*. Vol. 18. № 4. P. 442–472.
- Franzosi R.* (1990b). Computer-Assisted Coding of Textual Data Using Semantic Text Grammars // *Sociological Methods Research*. Vol. 19. № 2. P. 225–257.
- Franzosi R.* (1994). From Words to Numbers: A Set Theory Framework for the Collection, Organization, and Analysis of Narrative Data // *Sociological Methodology*. Vol. 24. P. 105–136.
- Franzosi R.* (1998). Narrative as Data: Linguistic and Statistical Tools for the Quantitative Study of Historical Events // *International Review of Social History*. Vol. 43. Supplement S6. P. 81–104.
- Gallagher M.* (2015). Working with Sound in Video: Producing an Experimental Documentary about School Spaces // *Bates Ch.* (ed.). *Video Methods: Social Science Research in Motion*. London: Routledge. P. 165–186.
- Garfinkel H.* (2002). *Ethnomethodology's Program: Working Out Durkheim's Aphorism*. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Genette G.* (1980). *Narrative Discourse: An Essay in Method*. Ithaca: Cornell University Press.
- Goodwin C.* (1995). Seeing in Depth // *Social Studies of Science*. Vol. 25. № 2. P. 237–274.
- Greimas A. J.* (1966). *Semantique structurale*. Paris: Larousse.
- Grimshaw A. D.* (1982). Sound-Image Data Records for Research on Social Interaction // *Sociological Methods & Research*. Vol. 11. № 2. P. 121–144.
- Gumbrecht H. G.* (2004). *The Production of Presence: What Meaning Cannot Convey*. Stanford: Stanford University Press.
- Harman G.* (2005). *Guerrilla Metaphysics*. Chicago: Open Court.
- Harper D.* (1988). Visual Sociology: Expanding Sociological Vision // *American Sociologist*. Vol. 19. № 1. P. 54–70.
- Harper D.* (1994). On the Authority of the Image: Visual Methods at the Crossroads // *Denzin N. K., Lincoln Y. S.* (eds.). *Handbook of Qualitative Research*. London: Sage. P. 403–412.
- Harper D.* (2012). *Visual Sociology*. London: Routledge.

- Harrison P.* (2000). Making Sense: Embodiment and the Sensibilities of the Everyday // *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 18. № 4. P. 497–517.
- Harrison P.* (2007). «How Shall I Say It?» Relating the Non-relational // *Environment and Planning A*. Vol. 39. № 3. P. 590–608.
- Harrison P.* (2008). Corporeal Remains: Vulnerability, Proximity and Living-on after the End of the World // *Environment and Planning A*. Vol. 40. № 2. P. 423–445.
- Heath C., Hindmarsh J.* (1999). Analysing Interaction: Video, Ethnography and Situated Conduct // *May T.* (ed.) *Qualitative Research in Practice*. London: Sage. P. 99–121.
- Heath C., Hindmarsh J., Luff P.* (2010). *Video in Qualitative Research: Analysing Social Interaction in Everyday Life*. London: Sage.
- Heise D.* (1989). Modeling Event Structures // *Journal of Mathematical Sociology*. Vol. 14. № 2-3. P. 139–169.
- Heritage J.* (1984). *Garfinkel and Ethnomethodology*. Cambridge: Polity Press.
- Kohler Riessman C.* (1993). *Narrative Analysis*. London: Sage.
- Krippendorff K.* (1980). *Content Analysis: An Introduction to Its Methodology*. London: Sage.
- Kusenbach M.* (2012). *Mobile Methods* // *Delamont S.* (ed.) *Handbook of Qualitative Research in Education*. Cheltenham: Edward Elgar. P. 252–264.
- Labov W., Waletzky J.* (1967). *Narrative Analysis* // *Helm J.* (ed.) *Essays on the Verbal and Visual Arts*. Seattle: American Ethnological Society. P. 12–44.
- Labov W.* (1972). *Language in the Inner City*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Latour B.* (2005). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Oxford: Oxford University Press.
- Laurier E., Philo C.* (2006). Possible Geographies: A Passing Encounter in a Cafe // *Area*. Vol. 38. № 4. P. 353–364.
- Lorimer H.* (2005). Cultural Geography: The Busyness of Being «More-Than-Representational» // *Progress in Human Geography*. Vol. 29. № 1. P. 83–94.
- Luff P., Hindmarsh J., Heath C.* (eds.) (2000). *Workplace Studies: Recovering Work Practice and Informing System Design*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mandler J.* (1978). A Code in the Node: The Use of Story Schema in Retrieval // *Discourse Process*. Vol. 1. № 1. P. 14–35.
- Massumi B.* (2002). *Parables of the Virtual: Movement, Affect, Sensation*. London: Duke University Press.
- Massumi B.* (2004). Notes on the Translation and Acknowledgments // *Deleuze G., Guattari F.* *Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. London: Continuum. P. xvi–xix.
- McCormack D.* (2002). A Paper with an Interest in Rhythm // *Geoforum*. Vol. 33. № 4. P. 469–485.
- McCormack D.* (2003). An Event of Geographical Ethics in Spaces of Affect // *Transactions of the Institute of British Geographers*. Vol. 28. № 4. P. 488–507.

- McCormack D.* (2005). *Diagramming Practice and Performance // Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 23. № 1. P. 119–147.
- Meillassoux Q.* (2008). *After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency*. London: Continuum.
- Nash C.* (2000). *Performativity in Practice: Some Recent Work in Cultural Geography // Progress in Human Geography*. Vol. 24. № 4. P. 653–664.
- Parsons T.* (1937). *The Structure of Social Action*. New York: McGraw-Hill.
- Ray L. J.* (1999). *Theorizing Classical Sociology*. Buckingham: Open University Press.
- Ricoeur P.* (1984–1988). *Time and Narrative*. 3 Vols. / Transl. K. McLaughlin, D. Pellauer. Chicago: University of Chicago Press.
- Rimmon-Kenan S.* (1983). *Narrative Fiction: Contemporary Poetics*. London: Methuen.
- Ruby J.* (2000). *Picturing Culture*. Chicago: University of Chicago Press.
- Rumelhart D.* (1975). *Notes on a Schema for Stories // Bobrow D., Collins A.* (ed.). *Representation and Understanding*. New York: Academic. P. 211–236.
- Simpson P.* (2010). *Ecologies of Street Performance: Bodies, Affects, Politics*. Unpublished PhD Thesis. Bristol: University of Bristol.
- Simpson P.* (2015). *Atmospheres of Arrival/Departure and Multi-Angle Video Recording: Reflections from St Pancras and Gare du Nord // Bates Ch.* (ed.). *Video Methods: Social Science Research in Motion*. London: Routledge. P. 27–48.
- Stasz Cl.* (1979). *The Early History of Visual Sociology // Wagner J.* (ed.). *Images of Information*. London: Sage. P. 119–136.
- Stewart K.* (2007). *Ordinary Affects*. London: Duke University Press.
- Sztompka P.* (2005). *Socjologia wizualna: fotografia jako metoda badawcza*. Warszawa: PWN.
- Thrift N.* (1996). *Spatial Formations*. London: Sage.
- Thrift N.* (1997). *The Still Point: Resistance, Expressive Embodiment and Dance // Pile S., Keith M.* (eds.). *Geographies of Resistance*. London: Routledge. P. 124–151.
- Thrift N.* (1999). *Steps to an Ecology of Place // Massey D., Allen J., Sarre P.* (eds.). *Human Geography Today*. Cambridge: Polity. P. 295–322.
- Thrift N.* (2000). *Afterwords // Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 18. № 2. P. 213–255.
- Thrift N.* (2003a). *Performance and... // Environment and Planning A*. Vol. 35. № 11. P. 2019–2024.
- Thrift N.* (2003b). *Practicing Ethics // Pryke M., Rose G., Whatmore S.* (eds.). *Using Social Theory: Thinking through Research*. London: Sage. P. 105–121.
- Thrift N.* (2004). *Intensities of Feeling: Towards a Spatial Politics of Affect // Geografiska Annaler*. Vol. 86B. № 1. P. 57–78.
- Thrift N.* (2007). *Non-Representational Theory: Space, Politics, Affect*. London: Routledge.
- Todorov T.* (1981). *Introduction to Poetics*. Sussex: Harvester.
- Toolan M.* (1988). *Narrative: A Critical Linguistic Introduction*. London: Routledge.

- Turner J. H. (1993). *Classical Sociological Theory: A Positivist Perspective*. Chicago: Nelson-Hall.
- Turner S. P., Turner J. H. (1990). *The Impossible Science: An Institutional Analysis of American Sociology*. London: Sage.
- van Dijk T. (1988). *News as Discourse*. Hillsdale: Erlbaum.
- Vannini Ph. (2015). *Video Methods Beyond Representation: Experimenting with Multimodal, Sensuous, Affective Intensities in the 21st Century // Bates Ch. (ed.). Video Methods: Social Science Research in Motion*. London: Routledge. P. 230–240.
- Whatmore S. (2006). *Materialist Returns: Practicing Cultural Geography in and for a More-Than-Human World // Cultural Geographies*. Vol. 13. № 4. P. 600–609.
- Wylie J. (2002). *An Essay on Ascending Glastonbury Tor // Geoforum*. Vol. 33. № 4. P. 441–454.
- Wylie J. (2005). *A Single Day's Walking: Narrating Self and Landscape on the South West Coast Path // Transactions of the Institute of British Geographers*. Vol. 30. № 2. P. 234–247.
- Wylie J. (2006). *Depths and Folds: On Landscape and the Gazing Subject // Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 24. № 4. P. 519–535.

Video-Sociology: Theoretical and Methodological Foundations

Svetlana Bankovskaya

Professor of Sociology, Centre for Fundamental Sociology,
National Research University Higher School of Economics
Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: sbankovskaya@gmail.com

Modern technological development runs parallel with new social phenomena, which are often hard to describe because of the lack of theoretical resources even when an empirical, experimental observation base and sophisticated and reliable methods for obtaining data are available. Recently, researchers' attention has been particularly attracted to the phenomena that are referred to in political and philosophical literature as "the multitude", i.e., large entities which cannot be adequately described by the usual terms of "group", "mass", or just "crowd". The dispersal of multitudes, a coordination originating beyond the verbal means of communication (unintended coordination), the phenomena of physical coherence at the level of anticipation of expressions and activities of the partner, and more, are found, in part, for the first time, and partially find evidence by means of a visual sociology. Visual sociology is already a differentiated school of thought with the empirical research practice of using visual materials (photos and video, mostly) as data. The need to rethink the research ideology of visual sociology and to develop the narrative means which enables the making of this research more productive appears to be all the more urgent. The complementary modus of narratology and visual sociology is not only a promising research perspective, but also a particular problem at the level of methodology which is considered in this article (as well as different approaches to its formulation). Among the theoretical interpretations of this problem, the "theory of non-representation" is specifically considered, and methodological issues are analyzed in the context of the experiment.

Keywords: visual sociology, video methods, the theory of non-representation, narrative, observation, methodological adequacy

References

- Abbott A. (1995) Sequence Analysis: New Methods for Old Ideas. *Annual Review of Sociology*, vol. 21, pp. 93–113.
- Abell P. (1987) *The Syntax of Social Life: The Theory and Method of Comparative Narratives*, Oxford: Clarendon.
- Anderson B. (2006) Becoming and Being Hopeful: Towards a Theory of Affect. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 24, no 5, pp. 733–752.
- Anderson B., Harrison P. (2006) Questioning Affect and Emotion. *Area*, vol. 38, no 3, pp. 333–335.
- Back L. (2013) Live Sociology: Social Research and Its Futures. *Live Methods* (eds. L. Back, N. Puwar), Oxford: Wiley-Blackwell, pp. 18–39.
- Bal M. (1977) *Narratologie: Essais sur la Signification Narrative dans Quatre Romans Modernes*, Paris: Editions Klincksieck.
- Bankovskaya S. (2011) Ponjatie geterotopichnoj sredy i jeksperimentirovanie s nej kak s usloviem ustojchivogo nelecelepravlennoogo dejstvija [The Concept of Heterotopic Environment and Experimenting with It as a Condition of Stable Non-purposeful Action]. *Russian Sociological Review*, vol. 10. no 1, pp. 19–33; no 2, pp. 22–24.
- Barthes R. (1977) Introduction to the Structural Analysis of Narratives. *Image. Music. Text*, London: Fontana, pp. 79–124.
- Bates Ch. (2015) Introduction: Putting Things in Motion. *Video Methods: Social Science Research in Motion* (ed. Ch. Bates), London: Routledge, pp. 1–9.
- Bateson G., Mead M. (1942) *Balinese Character: A Photographic Analysis*, New York: New York Academy of Sciences.
- Bauman Z. (1996) *Myslit' sociologicheski* [Thinking Sociologically], Moscow: Aspekt-Press.
- Bissell D. (2008) Comfortable Bodies: Sedentary Affects. *Environment and Planning A*, vol. 40, no 7, pp. 1697–1712.
- Brown K. M., Banks E. (2015) Close Encounters: Using Mobile Video Ethnography to Understand Human-Animal Relations. *Video Methods: Social Science Research in Motion* (ed. Ch. Bates), London: Routledge, pp. 95–120.
- Carley K. (1993) Coding Choices for Textual Analysis: A Comparison of Content Analysis and Map Analysis. *Sociological Methodology*, vol. 23, pp. 75–126.
- Clough P. (ed.) (2007) *The Affective Turn: Theorizing the Social*, London: Duke University Press.
- Cohan S., Shires L. M. (1988) *Telling Stories: A Theoretical Analysis of Narrative Fiction*, London: Routledge.
- Collier J., Collier M. (1986) *Visual Anthropology: Photography as a Research Method*, Albuquerque: University of New Mexico Press.
- Corsaro W., Heise D. (1990) Event Structure Models from Ethnographic Data. *Sociological Methodology*, vol. 20, pp. 1–57.
- Deleuze G. (1997) *Essays Critical and Clinical*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Denzin N., Lincoln Y. (eds.) (2005) *The SAGE Handbook of Qualitative Research*, London: SAGE.
- Dewsbury J. D. (2000) Performativity and the Event: Enacting a Philosophy of Difference. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 18, no 4, pp. 473–496.
- Dewsbury J. D. (2003) Witnessing Space: "Knowledge without Contemplation". *Environment and Planning A*, vol. 35, no 11, pp. 1907–1932.
- Dewsbury J., Harrison P., Rose M., Wylie J. (2002) Introduction: Enacting Geographies. *Geoforum*, vol. 33, no 4, pp. 437–440.
- Diesing P. (1991) *How Does Science Work? Reflections on Process*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Eco U. (1979) *The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts*, Bloomington: Indiana University Press.

- Filippov A. (2001) Georg Zimmel' kak klassik sociologii [Georg Simmel as a Classic of Sociology]. *Novoe i staroe v teoreticheskoj sociologii, tom 2* [The Old and the New in Theoretical Sociology, vol. 2] (ed. Y. Davydov), Moscow: RAS Institute of Sociology, pp. 43–56.
- Filippov A. (2007) Sociologija prostranstva [The Sociology of Space], Saint Petersburg: Vladimir Dal.
- Foucault M. (2002) *The Order of Things*, London: Routledge.
- Franzosi R. (1989) From Words to Numbers: A Generalized and Linguistics-Based Coding Procedure for Collecting Event-Data from Newspapers. *Sociological Methodology*, vol. 19, pp. 263–298.
- Franzosi R. (1990a) Strategies for the Prevention, Detection and Correction of Measurement Error in Data Collected from Textual Sources. *Sociological Methods Research*, vol. 18, no 4, pp. 442–472.
- Franzosi R. (1990b) Computer-Assisted Coding of Textual Data Using Semantic Text Grammars. *Sociological Methods Research*, vol. 19, no 2, pp. 225–257.
- Franzosi R. (1994) From Words to Numbers: A Set Theory Framework for the Collection, Organization, and Analysis of Narrative Data. *Sociological Methodology*, vol. 24, pp. 105–136.
- Franzosi R. (1998) Narrative as Data: Linguistic and Statistical Tools for the Quantitative Study of Historical Events. *International Review of Social History*, vol. 43, supplement S6, pp. 81–104.
- Gallagher M. (2015) Working with Sound in Video: Producing an Experimental Documentary about School Spaces. *Video Methods: Social Science Research in Motion* (ed. Ch. Bates), London: Routledge, pp. 165–186.
- Garfinkel H. (2002) *Ethnomethodology's Program: Working Out Durkheim's Aphorism*, Lanham: Rowman & Littlefield.
- Genette G. (1980) *Narrative Discourse: An Essay in Method*, Ithaca: Cornell University Press.
- Goodwin C. (1995) Seeing in Depth. *Social Studies of Science*, vol. 25, no 2, pp. 237–274.
- Greimas A. J. (1966) *Semantique structurale*, Paris: Larousse.
- Grimshaw A. D. (1982) Sound-Image Data Records for Research on Social Interaction. *Sociological Methods & Research*, vol. 11, no 2, pp. 121–144.
- Gumbrecht H. G. (2004) *The Production of Presence: What Meaning Cannot Convey*, Stanford: Stanford University Press.
- Harman G. (2005) *Guerrilla Metaphysics*, Chicago: Open Court.
- Harper D. (1988) Visual Sociology: Expanding Sociological Vision. *American Sociologist*, vol. 19, no 1, pp. 54–70.
- Harper D. (1994) On the Authority of the Image: Visual Methods at the Crossroads. *Handbook of Qualitative Research* (eds. N. K. Denzin, Y. S. Lincoln), London: Sage, pp. 403–412.
- Harper D. (2012) *Visual Sociology*, London: Routledge.
- Harrison P. (2000) Making Sense: Embodiment and the Sensibilities of the Everyday. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 18, no 4, pp. 497–517.
- Harrison P. (2007) "How Shall I Say It?" Relating the Non-relational. *Environment and Planning A*, vol. 39, no 3, pp. 590–608.
- Harrison P. (2008) Corporeal Remains: Vulnerability, Proximity and Living-on after the End of the World. *Environment and Planning A*, vol. 40, no 2, pp. 423–445.
- Heath C., Hindmarsh J. (1999) Analysing Interaction: Video, Ethnography and Situated Conduct. *Qualitative Research in Practice* (ed. T. May), London: Sage, pp. 99–121.
- Heath C., Hindmarsh J., Luff P. (2010) *Video in Qualitative Research: Analysing Social Interaction in Everyday Life*, London: Sage.
- Heise D. (1989) Modeling Event Structures. *Journal of Mathematical Sociology*, vol. 14, no 2-3, pp. 139–169.
- Heritage J. (1984) *Garfinkel and Ethnomethodology*, Cambridge: Polity Press.
- Iarskaia-Smirnova E., Romanov P. (eds.) (2009) *Vizual'naja antropologija: nastrojka optiki* [Visual Anthropology: The Adjustment of Optics], Moscow: Variant, CSPGS.
- Kohler Riessman C. (1993) *Narrative Analysis*, London: Sage.
- Korbut A. M. (2012) Video socio [Video Socio]. *Russian Sociological Review*, vol. 11, no 2, pp. 143–152.
- Korbut A. M. (2016) Shablon v strukture dejstvija: jelektronnye medicinskie karty i rutinizacija v medicinskoj praktike [A Template in the Structure of Action: Electronic Health Records and the Routinization of Clinical Practice]. *Russian Sociological Review*, vol. 15, no 1, pp. 34–53.
- Krippendorff K. (1980) *Content Analysis: An Introduction to Its Methodology*, London: Sage.

- Kusenbach M. (2012) Mobile Methods. *Handbook of Qualitative Research in Education* (ed. S. Delamont), Cheltenham: Edward Elgar, pp. 252–264.
- Labov W., Waletzky J. (1967) Narrative Analysis. *Essays on the Verbal and Visual Arts* (ed. J. Helm), Seattle: American Ethnological Society, pp. 12–44.
- Labov W. (1972) *Language in the Inner City*, Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Latour B. (2005) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*, Oxford: Oxford University Press.
- Laurier E., Philo C. (2006) Possible Geographies: A Passing Encounter in a Cafe. *Area*, vol. 38, no 4, pp. 353–364.
- Lorimer H. (2005) Cultural Geography: The Busyness of Being "More-Than-Representational". *Progress in Human Geography*, vol. 29, no 1, pp. 83–94.
- Luff P., Hindmarsh J., Heath C. (eds.) (2000) *Workplace Studies: Recovering Work Practice and Informing System Design*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Mandler J. (1978) A Code in the Node: The Use of Story Schema in Retrieval. *Discourse Process*, vol. 1, no 1, pp. 14–35.
- Massumi B. (2002) *Parables of the Virtual: Movement, Affect, Sensation*, London: Duke University Press.
- Massumi B. (2004) Notes on the Translation and Acknowledgments. Deleuze G., Guattari F., *Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*, London: Continuum, pp. xvi–xix.
- McCormack D. (2002) A Paper with an Interest in Rhythm. *Geoforum*, vol. 33, no 4, pp. 469–485.
- McCormack D. (2003) An Event of Geographical Ethics in Spaces of Affect. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 28, no 4, pp. 488–507.
- McCormack D. (2005) Diagramming Practice and Performance. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 23, no 1, pp. 119–147.
- Meillassoux Q. (2008) *After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency*, London: Continuum.
- Mills Ch. W. (1998) *Sociologicheskoe voobrazhenie* [Sociological Imagination], Moscow: Strategia.
- Nash C. (2000) Performativity in Practice: Some Recent Work in Cultural Geography. *Progress in Human Geography*, vol. 24, no 4, pp. 653–664.
- Parsons T. (1937) *The Structure of Social Action*, New York: McGraw-Hill.
- Propp V. (1928) *Morfologija skazki* [The Morphology of a Fairy-Tale], Leningrad: Academia.
- Ray L. J. (1999) *Theorizing Classical Sociology*, Buckingham: Open University Press.
- Ricoeur P. (1984–1988) *Time and Narrative*, Chicago: University of Chicago Press.
- Rimmon-Kenan S. (1983) *Narrative Fiction: Contemporary Poetics*, London: Methuen.
- Ruby J. (2000) *Picturing Culture*, Chicago: University of Chicago Press.
- Rumelhart D. (1975) Notes on a Schema for Stories. *Representation and Understanding* (eds. D. Bobrow, A. Collins), New York: Academic, pp. 211–236.
- Savelieva I., Poletaev A. (eds.) (2009) *Klassika i klassiki v social'nom i gumanitarnom znanii* [Classical and the Classics in Social Knowledge and the Humanities], Moscow: New Literary Observer.
- Simpson P. (2010) *Ecologies of Street Performance: Bodies, Affects, Politics* (PhD Thesis), Bristol: University of Bristol.
- Simpson P. (2015) Atmospheres of Arrival/Departure and Multi-Angle Video Recording: Reflections from St Pancras and Gare du Nord. *Video Methods: Social Science Research in Motion* (ed. Ch. Bates), London: Routledge, pp. 27–48.
- Stasz Cl. (1979) The Early History of Visual Sociology. *Images of Information* (ed. J. Wagner), London: Sage, pp. 119–136.
- Stewart K. (2007) *Ordinary Affects*, London: Duke University Press.
- Sztompka P. (2005) *Socjologia wizualna: fotografia jako metoda badawcza*, Warszawa: PWN.
- Sztompka P. (2007) *Vizual'naja sociologija: fotografija kak metod issledovanija* [Visual Sociology: Photography as a Research Method], Moscow: Logos.
- Thrift N. (1996) *Spatial Formations*, London: Sage.
- Thrift N. (1997) The Still Point: Resistance, Expressive Embodiment and Dance. *Geographies of Resistance* (eds. S. Pile, M. Keith), London: Routledge, pp. 124–151.
- Thrift N. (1999) Steps to an Ecology of Place. *Human Geography Today* (eds. D. Massey, J. Allen, P. Sarre), Cambridge: Polity, pp. 295–322.

- Thrift N. (2000) Afterwords. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 18, no 2, pp. 213–255.
- Thrift N. (2003a) Performance and. . . *Environment and Planning A*, vol. 35, no 11, pp. 2019–2024.
- Thrift N. (2003b) Practicing Ethics. *Using Social Theory: Thinking through Research* (eds. M. Pryke, G. Rose, S. Whatmore), London: Sage, pp. 105–121.
- Thrift N. (2004) Intensities of Feeling: Towards a Spatial Politics of Affect. *Geografiska Annaler*, vol. 86B, no 1, pp. 57–78.
- Thrift N. (2007) *Non-Representational Theory: Space, Politics, Affect*, London: Routledge.
- Todorov T. (1981) *Introduction to Poetics*, Sussex: Harvester.
- Tönnies F. (2002) *Obshhnost' i obshhestvo* [Community and Society], Saint Petersburg: Vladimir Dal.
- Toolan M. (1988) *Narrative: A Critical Linguistic Introduction*, London: Routledge.
- Turner J. H. (1993) *Classical Sociological Theory: A Positivist Perspective*, Chicago: Nelson-Hall.
- Turner S, pp., Turner J. H. (1990) *The Impossible Science: An Institutional Analysis of American Sociology*, London: Sage.
- van Dijk T. (1988) *News as Discourse*, Hillsdale: Erlbaum.
- Vannini Ph. (2015) Video Methods Beyond Representation: Experimenting with Multimodal, Sensuous, Affective Intensities in the 21st Century. *Video Methods: Social Science Research in Motion* (ed. Ch. Bates), London: Routledge, pp. 230–240.
- Whatmore S. (2006) Materialist Returns: Practicing Cultural Geography in and for a More-Than-Human World. *Cultural Geographies*, vol. 13, no 4, pp. 600–609.
- Wylie J. (2002) An Essay on Ascending Glastonbury Tor. *Geoforum*, vol. 33, no 4, pp. 441–454.
- Wylie J. (2005) A Single Day's Walking: Narrating Self and Landscape on the South West Coast Path. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 30, no 2, pp. 234–247.
- Wylie J. (2006) Depths and Folds: On Landscape and the Gazing Subject. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 24, no 4, pp. 519–535.